

The background of the cover is a dramatic, painterly illustration. In the upper right, a knight in full plate armor is mounted on a white horse, charging forward. The horse's mouth is open, revealing a large, multi-headed dragon. The dragon's heads are golden and appear to be breathing fire or a bright light. The scene is filled with smoke and a golden glow. In the lower left, a dark, turbulent sea with blue-green waves is visible. The overall mood is epic and heroic.

18+

Николай Секерин

Вспомни всех

Николай Секерин

Вспомни всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51651084

SelfPub; 2021

Аннотация

Короткий экскурс в разные города мира в период второй мировой войны. Все описанные события и персонажи – вымысел.

Содержание

Монте-Карло. 1931 год	4
Мюнхен. 1936 год	23
Краков. 1940 год	48
Сталинград. 1942 год	55
Нью-Йорк. 1943 год	81
Ленинград. 1945 год	98
Монте-Карло. 1946 год	110

Николай Секерин

Вспомни всех

Монте-Карло. 1931 год

В большом зале шикарного казино стоял респектабельный гул. Изящно шевеля пышными усами, кавалеры во фраках делали заманчивые предложения красивым дамам. Сомелье и официанты проворно сновали от стола к столу, угодливо исполняя любые гастрономические пожелания изысканной публики.

За рулеткой монотонный голос крупье сообщил, что ставок больше нет. Крутится волчок. Шарик игриво скачет с красного на чёрное, замедляет свой бег и останавливается. Зеро! Смуглый месье в белом смокинге вскакивает из-за стола и длинно ругается по-французски.

Жизнь в Монте-Карло идёт своим чередом, здесь царит вечный праздник. Здесь боги построили свою райскую страну. И если периодически и забредают сюда случайные люди из мира страданий – они никогда не узнают, что за место на самом деле являет собой этот красивый миниатюрный край. Боги не любят популярности, их место всегда за кулисами.

В звуконепроницаемой комнате, в домике на крыше здания казино, за массивным столом сидел человек. Его внешность была ничем не примечательна. Седая, коротко постриженная борода, такой же длины усы, зачёсанные назад волосы на голове. На носу как влитые сидели очки в металлической оправе. Телосложения человек был среднего, с возрастным брюшком и немного сутулыми плечами. Одет он был в простой серый костюм-тройку без галстука.

В левой руке человек держал фотокарточку и внимательно вглядывался в изображённое на ней лицо. Пальцы правой руки лениво барабанили по дубовой столешнице.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал человек.

В кабинет юрко проскочил лакей и почтительно склонив голову, молча пропустил троих людей.

Посетители вошли и остановились посреди комнаты.

Лакей бесшумно удалился, тихо закрыв за собой массивную дверь.

Хозяин кабинета внимательно осмотрел посетителей.

Эти люди были в той же степени похожи друг на друга, как и на него самого. Неопределённый возраст от сорока до шестидесяти, серые костюмы, стандартные причёски и бороды. Людей такого формата можно встретить сотнями в городах всего мира. Не было ни одной черты в их внешнем облике,

которую можно было бы запомнить и, при необходимости, опознать. Все они словно бы сливались с окружающей средой.

Вот только глаза. Глаза каждого из них выдавали дикого и опасного зверя. Хищника.

– Разрешите представиться... – начал один из троицы, но хозяин кабинета его перебил.

– Не надо имён, господа. Сегодня мы увидимся в первый и, скорее всего, в последний раз. Если когда-то судьба и сведёт нас снова, каждый из нас уже будет выглядеть по-другому и носить другое имя. Все мы это знаем, поэтому давайте будем предельно конструктивны и оставим время для важных вопросов, кои нам предстоит, сегодня обсудить. Прошу садиться.

Широким жестом хозяин кабинета указал на кожаные кресла, стоящие полукругом перед его столом.

Посетители едва заметно ухмыльнулись и сели в кресла.

– Чего-нибудь выпьете? Может, вы голодны? – спросил хозяин.

– Нет, благодарю, – ответил первый.

– Мне воды с лимоном, – сказал второй.

– А мне, пожалуйста, стакан молока, – подал голос третий.

Хозяин кабинета нажал кнопку на столе и через мгновение на пороге возник давешний лакей.

– Молока, воды с лимоном и имбирный лимонад.

Лакей испарился.

Посетители незаметно оглядывали кабинет, цепкие глазки прощупывали каждый сантиметр богатого убранства комнаты. Мебель красного дерева, книжные полки, заставленные дорогими фолиантами, персидские ковры на полу, бархатные занавески на окне.

Бесшумно вернулся лакей с подносом и расставил на низком ломберном столике стаканы, графины и ведёрко со льдом. Разлив по стаканам напитки, лакей исчез.

Посетители осторожно пригубили, каждый из своего стакана. Хозяин кабинета залпом выпил стакан имбирного лимонада и сказал.

– Что ж, господа, начнём пожалуй. Наши наниматели поручили нам рассмотреть важные вопросы касаясь плана дальнейших действий. Меня как представителя принимающей стороны, в первую очередь интересует положение в Германии и красная угроза. Однако я предлагаю сначала послушать вас. Какие пункты желаете урегулировать вы?

Посетитель, который отказался от напитков быстро заговорил:

– В целом наши дела, так, или иначе, упираются во всё ту же коммунистическую угрозу, поэтому в общем, наши цели сегодня совпадают. Акт Уолстеда себя исчерпал, больше мы с этого уже не заработаем, но появились побочные проблемы. Сухой закон в США дал слишком много власти уличной шпане, и теперь нам предстоит разбираться со всякими

бандитами, сбродом. Впрочем, эту проблему мы решим самостоятельно. Спиртное скоро легализуют, а гангстеров мы приручим сами, средства есть. Другое дело пролетариат. Советы показали слишком яркий пример, и эта гадость распространяется в головах черни по всему миру. С этим надо что-то делать.

Хозяин кабинета согласно кивнул.

Слово взял второй гость:

– Пожалуй, мы с коллегой поддержим основную линию беседы. Великобритания сегодня находится в таком же положении, что и весь остальной цивилизованный мир. Веками складывавшиеся традиции под угрозой. Боюсь, что организация революции в России была большой ошибкой, и итоги первой мировой войны оказались не совсем такими, какие ожидались. Ликвидировав сильного противника на востоке, мы и представить себе не могли, какая гидра вырастит из отростков бывшего величия благодаря коммунистической заразе. Мы всегда утверждали, что останавливать выбор на Ленине было ошибкой. Всё было бы иначе, если бы мы обеспечили тогда властью Троцкого.

Третий посетитель несколько раз кивнул.

Хозяин кабинета сказал.

– Вы закончили? Хорошо. Господа, безусловно, не все решения были верными и наши наниматели, не без нашей, к сожалению, помощи, выпустили на волю опасного зверя. Мы не станем сейчас обсуждать прошлые ошибки, теперь нам

предстоит их исправлять. Смею, однако заметить, что ситуация вышла из-под контроля не по нашей вине. Троцкий ли, Ленин, а то, что творится сегодня в Советах, делает совсем другой человек, о существовании которого мало кто из нас вообще знал пятнадцать лет назад.

Говорившего слушали молча. Каждый из этих людей разговаривал уверенным голосом. Никто не пытался спорить друг с другом, мнения выслушивались внимательно. Казалось, что работает один организм, достижение консенсуса в котором неизбежно. Решение – либо единогласное, либо его нет.

– Так, или иначе, джентльмены, – сказал первый посетитель, – а проблема сегодня одна – коммунизм. Эта гадость тем более опасна, что проникая в умы черни, делает возможным всеобщее ополчение. Все мы знаем, что привычному миру настанет конец, если власть советов распространится на весь земной шар. А ведь именно этого добивается Сталин. Никто не будет воевать против захватчиков подобного рода. Ведь они дают всем волю. Каждая страна, каждый народ остаётся прежним. Меняется форма правления, но главой остаётся представитель нации нового, социалистического государства. В итоге, если до сознания людей дойдёт суть подобной экспансии, возражать никто не будет. Для простого человека нет никакой разницы. Как жили мексиканцы в Мексике, так и останутся, бразильцы в Бразилии, австралийцы в Австралии. Вся разница будет лишь в том, что все эти

страны станут одним целым. Союз коммунистических республик. Весь мир, один сплошной СССР. Планета-государство с секретарями партии, – оратор брезгливо поморщился и закончил, – а самое ужасное, что культура и национальные ценности остаются незыблемы. Людям просто не за что воевать! Их не разрушают и не грабят, наоборот! Им дают жизнь лучшую, чем у них была. Границ не существует! Это очень, очень опасно!

Заговорил третий посетитель:

– В этом сценарии пострадает вся верхушка пищевой цепочки. И мы в первую очередь. Нас просто уничтожат! Недовольных среди черни сегодня слишком много, а самой черни – миллиард. Впрочем, вам ли не знать.

Воцарилось молчание. После паузы заговорил второй посетитель.

– Мои наниматели полагают, что в такой ситуации единственным выходом из положения может стать организация второй мировой войны.

Хозяин кабинета взял в руки фотокарточку на своём столе.

– Да. Именно это нам и предстоит сегодня обсудить. По итогу первой мировой войны Германия была достаточно унижена. Её народ сегодня влачит жалкое существование, стоимость немецкой марки катастрофически обесценена, народ голодает. И с радостью примет любого, кто решит

их насущные проблемы. Нужен вождь.

Он помолчал, постукивая фотокарточкой по столу, и продолжил, посмотрев на первого посетителя.

– А что этот ваш... Гитлер? Вы полагаете, он может подойти? – мягким движением он бросил фотокарточку на ломберный столик. Трое посетителей уставились на, изображённого на ней, кандидата.

Первый сказал:

– После случая с Лениным, трудно быть в чём-либо уверенным. Но в целом оратор он превосходный, мои наниматели полагают, что народ за ним пойдёт. Плюс, если мы профинансируем его деятельность, то кризис в Германии закончится в считанные месяцы, а кого как не нового главу государства станет благодарить за это чернь.

– Да, но вы в курсе его программы? Его антисемитизма? – подал голос второй. – Ведь, насколько мне известно, часть людей из ваших нанимателей, еврейской национальности. Вы полагаете, им будет безразлична судьба их соотечественников в Германии?

Первый ответил:

– Уважаемый коллега, неужели вы и правда этим обеспокоены? У наших нанимателей нет, и не может быть никаких чувств к биоэнергетическому материалу. Ну, право слово, какие соотечественники? Что вы, пардон, такое говорите? Разве может быть что-то более важное, чем удержание власти в своих руках? Кого вообще интересует судьба пары

тысяч евреев, если на кону стоит весь мировой порядок!

– Что ж, в таком случае у меня нет вопросов к кандидатуре Гитлера, – ответил второй.

Третий, индифферентно развёл руками, что означало, вероятно, что да, кандидатура Гитлера устраивает и его нанимателей.

Хозяин кабинета свёл кончики пальцев.

– Коллеги, перед нами стоит серьёзная задача. Все мы знаем: коммунизм сам по себе ничто. Красивые теории, годятся разве что на то, чтобы дурачить безмозглую толпу. Но всё это работает до поры до времени и укореняется всё твёрже, если слова подкреплять делом. То, что творит чёртов Сталин, доказывает пролетариату Англии, США, да и всему остальному миру, что коммунизм в руках Советов не просто слова. Вся эта тупая чернь одержима идеей «отнять и поделить». Они устремляют свой взор на Восток и видят как там всё хорошо.

Третий глотнул молока, откашлялся и сказал:

– Разрешите внести реплику. Мы полагаем, что настоящая угроза исходит именно от России, ведь коммунизм первоначально был всего лишь одной из ширм, при помощи которой мы уничтожили Российскую империю. Пока мир содрогался от войны, пока мы обеспечивали возможность Японии разгромить флот русских в 1905 году, революция в России в теории, должна была пойти лишь нам на пользу. Кто мог предположить, что при смене власти они выйдут из-под кон-

троля? Кто мог представить, что вместо ручного вассального государства появится такое чудовище как СССР?

Он умолк и его мысль продолжил второй:

– И поскольку, как мы уже определили, коммунизм явился лишь инструментом, я полагаю и думаю, вы со мной согласитесь, господа, что корень проблемы лежит в самой стране и в её народе. Таким образом, придётся констатировать: деморализовать и уничтожить следует не коммунистов, а сам народ, само государство. Хватит ли на это сил у Гитлера?

– Нет, – сразу ответил первый гость. – Разумеется, нет. Как бы мы ни вооружили его, какой бы бешеной собакой он ни был, как бы ни старалась Германия – Советы ей не одолеть. Слишком неравная расстановка сил. Разве что...

– Оружие массового поражения нового поколения, – закончил хозяин кабинета.

– Да. Его разработки только ведутся, и вряд ли в обозримом будущем, мы сможем его создать. Однако Гитлеру подобное оружие произвести ни в коем случае нельзя. Такой человек как он не ограничится уничтожением СССР, следующими можем стать мы.

– Не беспокойтесь на этот счёт, коллега, – вставил второй. – Мои наниматели берут это на себя. У Гитлера никогда не будет оружия массового поражения. Как и у СССР. Пока будет продолжаться война, бешеные собаки будут заняты друг другом. А оружием будем заниматься мы.

Хозяин кабинета кивнул.

– Главной задачей для нас пока является ликвидация коммунистической угрозы в США и Великобритании. Пока рабочие будут продолжать бастовать и глядеть в сторону Советов, мы не сможем спокойно управлять вверенными нам территориями. Необходимо выбить эту дурь из всех голов. Когда начнётся война, пролетариату уже будет не до мыслей о Сталине. Конечно, идеальным вариантом было бы сделать из СССР агрессора, но как?

– Никак, – подтвердил первый посетитель. – В любом случае, всему миру не помешает хорошая встряска. Слишком много соблазнов. Пора организовать одно, крупное дело, с максимальной вовлечённостью. А после уже станем ориентироваться по обстановке. По тому, что останется после войны от СССР, будет видно как нам поступать далее. Если оружие массового уничтожения будет к тому времени создано, полагаю, оптимальным будет поставить жирную точку во всей этой пролетарской комедии.

Совещание в таком ключе продолжалось ещё около двух часов. В завершение хозяин пригласил своих посетителей пообедать с ним на открытой террасе, расположенной тут же, на крыше.

Официант подал печёного осетра, чёрную икру, несколько сортов вин, каре ягнёнка и прочие изысканные блюда. Стол ломился от царского изобилия.

Они сидели на крыше, солнце медленно клонилось к закату, идеальная погода и морской воздух располагали к блаженному состоянию. Но эти люди, по-видимому, не расслаблялись никогда. Работая на своих таинственных нанимателей, они всегда помнили о тех задачах, что перед ними ставили. А королевские привилегии, это как плата за верность.

После трапезы хозяин предложил посетителям сигары.

Все закурили.

– Что ж, – сказал он. – Думаю, мы друг друга поняли. Стало быть, Гитлер?

– Да, – ответил один из гостей. – Мои наниматели готовы приступить к финансированию. Мы полагаем, что через год, максимум два, этот человек займёт должность канцлера. Действующий глава Германии, Гинденбург, сделает так, как ему будет велено. Немецкий народ достаточно измучен и унижен контрибуциями, которыми мы обложили государство по итогам первой мировой. Такой превосходный оратор как старина Адольф, без труда завоюет сердца этих несчастных.

– Хорошо, – кивнул хозяин. – Тогда на этом, господа, прошу меня извинить. Мне необходимо сейчас же доложить об итогах нашего разговора нанимателям.

Посетители поднялись со своих мест.

– Нет-нет, что вы, – сказал хозяин. – Я настаиваю. Оставайтесь и отдохните сегодня в моём отеле. В вашем распоряжении всё, что захотите. Пьер! – он позвонил в колокольчик.

Моментально появился лакей.

– Пьер, распорядись, чтобы господам выделили номера люкс и позаботься о том, чтобы они ни в чём не нуждались. В вашем распоряжении, – обратился он снова к гостям, – любой сервис и любые услуги, которые вы пожелаете, за счёт моего заведения. В любое время, по любым вопросам, вы можете обращаться напрямую к Пьеру.

С этими словами он поклонился и ушёл.

– Мишель, распорядись подать машину через десять минут и принеси мне другой костюм, – сказал он второму лакею, вернувшись в кабинет.

Через полчаса мерседес остановился у ворот усадьбы, огороженной высоким забором.

К машине подошёл привратник с висящим на плече ружьём.

Из окна пассажирского места показалась рука в белой перчатке. Рука сжимала золотую карточку с изображённым на ней гербом.

Привратник машинально отдал честь и кинулся открывать ворота.

Мерседес въехал на территорию усадьбы.

Идеально вымощенная дорога тянулась через широкий сад с ровно постриженным газоном. По обе стороны автомо-

бия то и дело перемежались красивые деревья, мраморные статуи и изящные беседки, выполненные в старинном стиле.

Впереди вырос величественный замок, напоминающий уменьшенную копию французского Лувра. Остановившись напротив парадного входа, водитель проворно выскочил из автомобиля и почтительно открыл пассажирскую дверь.

Недавний хозяин кабинета на крыше казино, быстро вылез из машины и направился к дверям здания. Ему навстречу уже шёл халдей.

– Приветствую вас, господин распорядитель, – сказал халдей. – Чем я могу быть вам полезен?

– Где барон? – спросил «господин распорядитель».

– Его превосходительство изволят заниматься чтением на свежем воздухе, – ответил халдей, склоняя голову.

– Проводи. Это срочно, – бросил «господин распорядитель».

– Извольте следовать за мной, – ещё ниже склонил голову халдей и, указав почтительным жестом направление, быстро пошёл по пешеходной дорожке, на ходу подстраиваясь под скорость шагов гостя.

Они молча шли по извилистому пути, вымощенному брусчаткой. Дорога прошла между деревьями и завернула вниз. Впереди виднелся искусственный пруд с плавающими в нём лебедями.

Халдей вежливым жестом указал в сторону пруда, и они продолжили путь. То и дело мимо сновали незаметные люди.

Кто-то из них относился к обслуге, кто-то к охране, обеспечивающей безопасность барона.

Наконец они подошли к пруду.

Обнажённый по пояс, грузный человек развалился в шезлонге с книгой в руках. Перед ним на коленях стояли две юные азиатки и старательно растирали широкие ступни.

Это был мужчина пожилого возраста. Тщательно зачёсанные назад седые волосы, аккуратно подстриженная борода и сочные полные губы. На голове у него красовалась соломенная шляпа, глаза «вооружены» очками в золотой оправе.

Халдей остановился на почтительном расстоянии, склонил голову и произнёс со священным трепетом в голосе:

– Простите, сэръ, к вам посетитель.

Человек медленно оторвался от книги и посмотрел на подошедших. Во всех его движениях ощущалось величие. По всему было видно, что он никогда не расходовал энергию зря. Спокойно окинув взглядом посетителей, он обратил взор на азиаток, продолжающих растирать его ступни, и произнёс тихим голосом:

– Хорошо, Олег, ты можешь идти.

Халдей склонился чуть не до земли, заложив руки за спину, и растворился, будто его и не было.

Барон что-то сказал на непонятном наречии девушкам и те исчезли следом за халдеем.

После этого он указал посетителю на шезлонг подле себя.

– Сядь, мой друг.

«Господин распорядитель», как назвал его халдей, не заставил просить себя дважды.

– Благодарю, сэр.

Что-то в его тоне заметно изменилось. Совсем не таким голосом он разговаривал с посетителями в своём кабинете и уж подавно со слугами. Он не выказывал подобострастия подобно давешнему халдею, но, тем не менее, было ясно: человек в шезлонге для него – всё.

– Ты читал Карла Маркса? – спросил барон, постукивая указательным пальцем по книге в руке.

– Нет, сэр, специально не читал, но с концепцией его книг знаком.

Барон кивнул.

– Мой дед знал его лично. Говорят, приятный был человек. Занимательную он придумал теорию. Интересно, он сам понимал, что это утопия? – задал вопрос барон в пространство.

Его собеседник почтительно молчал.

– Вам нравятся лебеди? – задал новый вопрос барон, вставая с шезлонга, – нет-нет, вы сидите. Мне так удобнее будет с вами говорить.

Он подошёл к столику из плетёного бамбука, взял стоявший на нём графин с зеленоватым напитком и разлил в два крупных стакана.

Взяв стаканы, он вернулся к шезлонгу и протянул один

своему гостю.

– Благодарю, – ответил тот.

– Так вам нравятся лебеди, Франсуа? – снова задал он свой вопрос.

Франсуа пригубил стакан и ответил.

– Безусловно, сэръ, мне нравятся лебеди, да.

Он тревожно оглянулся.

– Не беспокойтесь, никто нас не слышит, – сказал барон. – Ваше имя будет и дальше оставаться тайной для всех. Я очень люблю птиц. Хотел привести сюда фламинго, но мой орнитолог утверждает, что здешний климат будет для них губительным. Представляете? Климат Монте-Карло! Губительным! Чтоб их! Придётся теперь только ради этих фламинго строить новую виллу в Индонезии.

Он помолчал немного и продолжил:

– Терпеть не могу азиатские страны. Хотя, должен признать, что женщины там способные. В любых вопросах расслабления мужского тела.

Он залихватски подмигнул Франсуа и без всякого перехода спросил:

– Ну так как, мы достигли сегодня соглашения?

Только что озорной, свойский мужичок, внезапно превратился в древнего хищника. В посетителя впиалась пара ледяных глаз.

Франсуа взглянул в эти глаза и поймал себя на давно за-

бытом чувстве страха. «Рептилия» – возникло в голове слово.

Он откашлялся:

– Да, сэр, господин барон, думаю, что да. Гитлер всех устраивает.

Барон кивнул.

– Хорошо. Он мне нравится ещё и тем, что легко идёт на уступки. Если мы дадим ему власть над Германией, он будет нашим ручным зверьком. Потом, разумеется, мы и дальше будем давать ему деньги. Страну необходимо будет как следует вооружить, после чего он сможет приступить к выполнению своей главной задачи. Советы надо искалечить как можно сильнее!

Пока он говорил это, с лица не сходила маска кровожадного динозавра.

Он выпил залпом свой стакан.

– Как вам мохито, Франсуа? – снова превратился в светского мужичка барон.

– Отлично, сэр, благодарю.

– Сколько потребуется денег от нашей семьи?

– Пока не знаю, господин барон, но в ближайшее время мы завершим подсчёты. Думаю, общая сумма первого крупного платежа нацистам не превысит двухсот миллионов фунтов стерлингов. Стало быть, разделив на четыре участвующие стороны, ваш вклад составит примерно пятьдесят миллионов фунтов.

– Вы полагаете, двухсот ему хватит, чтобы установить диктатуру?

– Во всяком случае добавить можно всегда. К тому же речь идёт только о первом взносе. Сколько денег потребуется всего, до окончания миссии, сейчас предположить трудно.

– Хорошо, – сказал барон. – Передайте нашим людям в правительстве, чтобы приступали. Гитлер должен встать во главе Германии не позднее тридцать третьего года.

Франсуа встал и поклонился.

– Разрешите идти, господин барон?

Рептилия чуть заметно кивнула.

Мюнхен. 1936 год

Не успел он закрыть за собой обшарпанную дверь, войдя в прихожую, его окрикнул суровый голос матери:

– Ганс! Ты где шлялся, скотина проклятая?!

Сжав зубы, он с ненавистью выдохнул.

– Ходил на стадион, мам, слушать выступление фюрера!

– А почему не сказал мне? И почему не убрал за собой утром, негодяй! Марш на кухню, чисти картошку!

Сдерживая себя, Ганс прошёл в кухню и уселся на табуретку.

– Давай! – сказал он.

– Чего тебе давать? – зарычала мать. – Чего давать, скот?

Не знаешь где картошка?! Где нож?! Всё мать за вас делать должна?!

Ганс не выдержал, натянутая до предела струна, лопнула. Как божественно говорил фюрер! И какой мерзкой казалась ему сейчас мать.

– Пошла ты! – выкрикнул он и стремглав выбежал из кухни.

Мать опешила.

– Ч-что? Чтoooo?!

Ганс быстро обулся.

– Я сказал тебе! Пошла к чёрту, дура! Идиотка! Достала!

Отца в могилу свела, теперь на нас отыгрываешься! Пошла к чертям! Я не вернусь в этот проклятый дом! Гореть тебе в аду! Сука!

Он вышел, хлопнув дверью.

Мать высунулась из окна и что-то яростно кричала ему вслед.

Наплевать! С него довольно! Больше он сюда не вернётся.

Гансу было восемь лет, когда умер отец, оставив его с младшим братом на растерзание матери. Всю свою жизнь она только и делала, что срывала зло на них. Гансу как старшему доставалось больше всего.

Пять лет назад, он со взрослыми товарищами стал посещать выступления Адольфа Гитлера, когда тот ещё не был верховным канцлером. Сегодня Гансу шёл шестнадцатый год и он не пропускал ни одного выступления фюрера, которые тот проводил в Мюнхене. Жаль, что он был ещё юн для поступления в армию.

Ганс с нетерпением ждал момента, когда сможет вступить в партию и посвятить свою жизнь борьбе за право дело. Его борьбе. Он боготворил фюрера.

Его друг Фриц обещал помочь с подделкой документов. Как только это станет возможным, Ганс собирался уйти от матери и навсегда забыть её бешеные крики. Документов ещё не было, но сегодня его терпение лопнуло, события в его жизни стремительно ускорялись.

Младший брат был ещё слишком мал, чтобы понимать Ганса. Когда умер отец, он был младенцем, и сегодня ему не исполнилось ещё и восьми.

Нет, он не станет искать встречи и оправдываться перед малым.

– Вырастет, поймёт, не осудит, – пробормотал Ганс, шагая по улице сам не зная куда.

Он вдруг почувствовал сильный голод. Нащупав в кармане несколько монет, Ганс зашёл в булочную.

В магазине толпились противные толстухи. Все они о чём-то спорили между собой и загораживали своими свиными тушами кассира.

На прилавке аппетитно лежали плюшки. Пользуясь суматохой, Ганс не стал тратить свои скудные сбережения и, воровато оглянувшись, быстро сунул плюшку за пазуху.

Выбежав на улицу, он нырнул в подворотню и осмотрелся. Никто ничего не заметил!

Ганс жадно впился зубами в ещё тёплую сдобу.

В несколько укусов он съел булку и почувствовал, что совсем не наелся. Опасливо озираясь, он вернулся в булочную. Базарная болтовня возле кассы продолжалась. В спор с тётками теперь включилась и кассир.

Ганс подошёл к прилавку и стянул сразу две булки.

Как и в прошлый раз, он вышел на улицу незамеченным и, не заботясь более о конспирации, принялся жрать прямо на ходу.

– Приятель, тебе не много ли в одну рожу? – раздался голос из-за спины.

Ганс обернулся и расплылся в радостной улыбке:

– Фриц!

– Здравствуй, дружище, – с хохотом ответил старший товарищ. – Ты чего это здесь? Дома не кормят?

– Нет у меня больше дома! – зло сказал Ганс. – Ты хочешь булку, Фриц?

– Да уж не откажусь, – отозвался тот, принимая угощение.

Откусив кусок, он спросил:

– В каком это смысле: «нет больше дома»?

– Да в таком, ушёл я, друг! И не вернусь больше. Хоть где, лучше под мостом буду ночевать, лишь бы проклятую стерву не видеть!

Фриц задумчиво жевал.

– Де-ела, – проговорил он с набитым ртом. – Ладно, пошли пока со мной, я что-нибудь придумаю.

Ганс с готовностью пошёл за старшим товарищем.

– Фриц, ты говорил, что можно подделать документы для меня. Ты сможешь сделать это сейчас, Фриц?

– Не знаю, друг мой. Не от меня зависит. Мой отец в партии фюрера с самого начала, думаю, он сможет тебе помочь. Возможно даже не придётся ничего подделывать. Я слышал, что сейчас они набирают парней вроде тебя для подсобных нужд армии.

Ганс просиял.

– Что это за подсобные нужды, Фриц?

– Ну знаешь, сейчас каждый человек на счету. Если ты пока не годишься для того чтобы быть воином, то сгодишься для других дел. Стирать, убирать, готовить на кухне. Всё это не менее важно в армии, сам понимаешь. Если ты готов делать всякую нудную работу, то, думаю, отец пристроит тебя в казармы.

– Я готов, Фриц! – ответил Ганс. – Ради фюрера я готов на всё!

– Хорошо, хорошо. Сначала всё равно нужно добиться разрешения у моего отца, так что не спеши. Идём сюда, – указал он направление.

Отца Фрица звали Рихард.

Рихард считал себя человеком умным. Ещё в начале двадцатых годов, когда страна задыхалась от кризиса, он смог уловить верное направление в народной буре и примкнул к партии национал социалистов. Когда партия Гитлера вступила в отчаянное противоборство с коммунистами, многие из соратников Рихарда переметнулись во вражеский стан.

Особенно подобное дезертирство наблюдалось во время арестов Адольфа Гитлера.

Рихард же всё время оставался верен своему сюзерену. Он полагал, что капитана корабля во время шторма менять

нельзя. Конечно, опасность поражения нацистов в борьбе за власть была более чем ощутимой, однако он, Рихард, свой выбор сделал и не стал бы, спасая собственную шкуру, «делать ноги».

И дело тут не только в верности. С позиции здравого прагматизма метания из лагеря в лагерь, никогда не приносят пользы. Даже в случае победы коммунистов, все эти перебежчики ни за что не снискали бы уважения в стане своего нового командования.

Кому нужны предатели? Если он изменил своему бывшему командиру, спасая собственную шкуру, то изменит и новому! При первой же опасности.

Рихард оставался верен национал социализму, и в тридцать третьем, когда фюрер укрепился во власти, его карьера стремительно пошла вверх.

Через три года Рихард получил звание штурмбанфюрера СС, что в прежние времена соответствовало майору. Он был невероятно горд собой!

Старший сын Фриц подавал большие надежды. Он искренне разделял веру отца в фюрера, готов был пожертвовать жизнью ради дела национал социализма и днями напролёт занимался поиском всё новых молодых рекрутов.

В дверь кабинета Рихарда постучали.

– Разрешите? Вас просит принять сын в сопровождении молодого человека, господин штурмбанфюрер! – сообщил адъютант.

«Лёгкок сынок на помине» – подумал Рихард, а вслух сказал.

– Вы можете пропускать моего сына впредь, без предварительного уведомления, унтерштурмфюрер. При условии, разумеется, что я буду в кабинете один.

– Так точно, господин штурмбанфюрер! Разрешите идти?

– Иди. И принеси нам чай.

– Слушаюсь, – поклонился адъютант.

В кабинет вошёл Фриц в сопровождении незнакомого юнца.

– Хайль Гитлер, – вытянулись они в приветственном жесте.

– Хайль Гитлер, – ответил Рихард. – Здравствуй сын, кто это с тобой?

Он мог бы и не спрашивать, потому как знал итак. Фриц приводил к нему новых рекрутов с завидным постоянством. Только мальчишкам нужно внимание. Каждый новенький должен думать, что он один такой. Сын не говорил им о том, что оказывает подобные услуги пачками. Каждый из них считал себя индивидуальностью, единственным близким другом Фрица.

В этом сын был очень похож на отца. А отец на фюрера.

– Отец, разреши представить тебе моего хорошего друга, – сказал способный ученик фразу, которую произносил уже десятки раз. – Ганс!

Рихард изобразил на лице безграничную заинтересованность и вышел из-за стола, чтобы пожать руку этому прекрасному человеку. Этому Гансу!

– Здравствуй, Ганс! Очень рад знакомству, – сказал он, будто Ганс был звездой оперного театра.

– Здравья желаю, господин штурмбанфюрер! Для меня огромная честь... – захлёбываясь слюной, расшаркался Ганс, но Рихард его перебил:

– Что ты, друг мой, право не стоит! Напротив, это честь для меня, оказать помощь молодому человеку в его славном намерении. Ты ведь хочешь послужить фюреру? – перешёл он ближе к делу.

– Да, господин! Конечно! Мне нужна работа и... место где жить, господин штурмбанфюрер!

– Вот как? – изобразил удивление Рихард. – А что же твои родители?

– Моя мать, герр начальник, она мешает мне служить делу партии! Она, она... вредитель!

– Да что ты?! – возмутился Рихард. – Как же так! Вот дела! И ты готов подать официальное заявление на свою матушку?

Ганс замешкался.

– Понимаю, – по-отечески добро сказал Рихард. – Не будем торопить события. У тебя будет ещё время обдумать это трудное решение.

Штурмбанфюрер вернулся за стол. Задумчиво постучав костяшками пальцев по столу, он открыл толстую тетрадь и

перевернул несколько страниц, во что-то вчитываясь.

Фриц давно сидел в кресле в глубине кабинета и с привычным безразличием наблюдал за происходящим. Ганс продолжал стоять навтыжку.

Выдержав томительную паузу, Рихард сказал:

– Ты знаешь, Ганс, что времена сейчас тяжёлые. Проклятые захватчики слишком долго душили нашу страну. Евреи, коммунисты, вся эта мразь... – он изобразил на лице отвращение и погрозил кулаком куда-то в сторону потолка.

Ганс с готовностью кивал, выражая безусловное согласие с каждым словом герра начальника.

– Грядёт большая война, – заявил штурмбанфюрер. – Так не может продолжаться вечно, мы должны будем очистить мир от красной жидовской гниды! И сейчас, Ганс, именно сейчас нашей стране необходимы такие парни как ты!

– Я умру за фюрера! – по щенячьи пролаял Ганс.

Ричард удовлетворённо кивнул и слегка улыбнулся, что, впрочем, осталось незаметным для молодого героя.

– Надеюсь, что умирать тебе не придётся, но твоё рвение заслуживает уважения, юноша! Так вот, в свете угрозы чистоте арийской расы, фюрером проводится подготовка сложных мероприятий, направленных на децентрализацию вредных элементов в Европе. В первую очередь это конечно касается евреев. Каково твоё отношение к евреям, Ганс?

Лицо парня сделалось свирепым.

– Я ненавижу их, господин штурмбанфюрер! Это грязь!

Это язвы на теле великой Германии! Веками они жили за счёт простых немцев, отбирали нашу работу, обманывали и копили деньги! Я презираю их, герр начальник!

Рихард снова едва заметно улыбнулся.

– Это очень хорошо, Ганс. В мои задачи в настоящий момент входит подготовка кадров для ликвидационных мероприятий. Тебя поселят в специальную казарму, где станут обучать рукопашному бою и методам убеждения евреев. По завершении обучения все вы будете задействованы в главном деле Рейха. Не исключено, что к тому времени мы вынуждены будем прибегнуть к вторжению в страны Восточной Европы. А там, как ты знаешь, евреев много. Слишком много!

– Так точно, штурмбанфюрер! – воскликнул Ганс.

– С этого момента, ты будешь находиться на полном государственном обеспечении, солдат. Германия будет заботиться о тебе, кормить и одевать! А теперь иди! Фриц тебя проводит, – закончил аудиенцию Рихард.

Ганс, как заправский солдат, вскинул руку в приветственном жесте и щёлкнул каблуками.

Рихард улыбнулся в последний раз, и его сын вывел новобранца из кабинета.

– Послушай, Фриц! – воскликнул Ганс, когда они вышли

на улицу. – Я ведь забыл сказать твоему отцу о своём возрасте! Мне ведь ещё рано в армию!

Фриц добродушно улыбнулся и похлопал своего протеже по плечу:

– Не беспокойся на этот счёт, дружище. Во-первых, мой отец никогда не усомнится в моём друге, а во-вторых, то учебное заведение, в котором ты будешь проходить подготовку – вовсе не армия. Скорее, хм... кадетский корпус. Ты ведь достаточно взрослый, чтобы учиться в кадетском корпусе, не так ли?

И он заговорщически подмигнул.

Ганс просиял.

– О, да это просто чудесно, дорогой Фриц! Жаль, что я не могу похвастаться перед родными, – он понурился. – Впрочем, какие родные? Братец ещё слишком мал, а мать! Что о ней вспоминать!

Он обречённо махнул рукой как бы давая понять, что мать – дело безнадежное.

Фриц сказал:

– Не стоит об этом думать, Ганс! Она всего лишь твоя биологическая мать, настоящей матерью и отцом нам всегда будет фюрер!

Ганс мечтательно улыбнулся. И бодро зашагал за своим товарищем. В свой новый дом. К своей новой семье.

Заканчивалась вторая неделя жизни в «кадетском корпусе». За это короткое время Ганс, казалось, повзрослел на несколько лет. Его ненависть к евреям и коммунистам усилилась в сотни раз, равно как и его любовь к фюреру и национал социализму.

С того памятного дня, когда Фриц подарил ему счастливый билет в светлое будущее, они больше не виделись.

Он проводил его в тот день до широких ворот таинственной закрытой территории, передал часовому какую-то бумагу от своего отца и сказал:

– Что ж, друг мой Ганс, поздравляю! Для тебя начинается новая жизнь.

– А ты разве со мной не пойдёшь? – спросил тогда Ганс.

– Сожалею, братец, но не могу. У меня есть ещё много работы для отца. Позже, мы, возможно, ещё увидимся, а пока я должен выполнять другие поручения для нужд рейха.

Заметив на лице Ганса нерешительность, Фриц добавил:

– Понимаю твою неуверенность, друг, но доверься мне! Да и... разве дома тебя ждёт что-то хорошее? Мать предала тебя и вынудила уйти из дому. А фюрер! Он даёт тебе новый дом!

Ганс вспомнил попреки матери и постоянную нужду. Его передёрнуло.

– Да! Что ж, пусть так! Надеюсь, мы ещё увидимся, дорогой Фриц!

Он обнял своего друга и вошёл на территорию.
Тяжёлые ворота захлопнулись за ним с глухим стуком.

Его взору предстало, ласкающее мальчишеский взор, зрелище.

Покуда видели глаза, простиралось широкое поле полигона. Спортивные снаряды, канаты, препятствия. Откуда-то издалека доносились выстрелы. «Стрельбище» – подумал Ганс.

Привратник, пропустивший его, отдал бумагу Рихарда подошедшему солдату и что-то сказал.

– Так точно, – откликнулся солдат и обратился к Гансу. – Новобранец?

– Да, господин! – ответил Ганс.

– С этого момента никаких «да». «Так точно» и «никак нет». Обучение начинается прямо сейчас, кадет! Следуй за мной.

– Так точно! – с готовностью отозвался Ганс.

Они прошли по мощёной дороге вдоль спортивной площадки. Новоиспечённый кадет с упоением наблюдал, как тренируются его будущие сокурсники.

Несколько парней висели на турниках, дрожа от напряжения, а поодаль стоял солдат с секундомером в руке и хладнокровно наблюдал за их мучением.

Трое лезли по канатам на высокую перекладину, ещё четверо отжимались на брусьях. Никто из тренирующихся не

замечал проходившего мимо Ганса.

– Сюда! – вывел Ганса из задумчивости резкий голос солдата.

Они подошли к длинному бараку с номером 3. Солдат распахнул деревянную дверь и первым вошёл внутрь.

– За мной! – снова скомандовал он.

Это была военная казарма. В одной общей зале ровными рядами выстроились двухъярусные кровати.

Солдат что-то отметил карандашом в блокноте и сказал:

– Твоё место будет здесь: верхняя полка, вторая кровать справа. Запомни сразу, чтобы потом не бегал за мной с вопросами. Вещей у тебя нет, поэтому место в тумбочке тебе ни к чему. Сейчас идём в санитарную часть. Там тебя подстригут и выдадут форму. Это шмотьё можешь сдать в гардеробную, или выбросить, дело твоё.

Ганс стоял навытяжку и слушал...слушал...слушал...

За эти две недели он отлично освоился и нашёл общий язык со своими соседями по казарме. Всех их объединяла безграничная любовь к фюреру.

Распорядок дня был примерно таким же, как в армии. В 5.30 подъём, две минуты собраться и выйти на плац, там зарядка и утренние физкультурное занятие. После – завтрак в столовой, где кормили вкусно и сытно.

После завтрака они маршировали в учебное здание, где в течение трёх часов проходили занятия по теории нацизма и методам борьбы с врагами рейха. Затем обед и двухчасовой отдых. Можно было заниматься всем, что не противоречило правилам корпуса, но территорию покидать было строгойше запрещено. Впрочем, Гансу этого и не хотелось.

На территории была библиотека и зал с кинопроектором, на котором ежедневно по вечерам показывали немое кино и записи выступлений фюрера.

После дневного отдыха наступало время для двухчасовой тренировки по физической подготовке, бою и стрельбам.

Ганс как новичок, занимался пока только физическими упражнениями. Бегал, отжимался, подтягивался, приседал. Бою его должны будут начать учить не раньше чем через месяц, как сообщил его сосед в казарме.

Его звали Вольф, он был старше Ганса на два года и спал на нижнем ярусе. Они подружились с первого дня, Вольф сразу взял новобранца под свою опеку и принялся обучать премудростям кадетской жизни.

– У нас здесь всё пристойно, Ганс, – сказал он. – Можешь не опасаться кражи, или какой другой гнусности. Нас всех здесь объединяет бедность и наша ненужность там, за забором. Мои родители предали Германию, и я не смог терпеть их низости! Мой отец укрывал несколько лет в нашем подвале поганого еврея! Как такое вообще возможно? Отец! К еврейской мрази у него было больше внимания, чем к род-

ному сыну, Ганс!

Рейх дал мне жизнь, а мои родители будут заканчивать своё жалкое существование там, где им самое место! Я дал показания, теперь они в тюрьме, Ганс! Вот что, друг, запомни: наша семья Фюрер и партия. Если биологическое родство становится поперёк нашему делу, выбор всегда должен быть в сторону партии. Больше от тебя ничего не требуется. Верность, Ганс! Вот что сегодня в цене.

Ганс слушал, разинув рот. Вольф очень любил заниматься воспитанием своего нового «младшего брата», как он несколько раз назвал Ганса, к величайшему удовольствию последнего. Каждый удобный случай: перерыв между занятиями, тихий час, или время перед отбоем, Вольф посвящал идеологическим внушениям.

Вскоре Ганс признался Вольфу, что его мать, скорее всего вредитель.

– Она постоянно выказывала неудовольствие, когда я ходил на выступления фюрера. Пыталась давать мне какую-то работу по дому, лишь бы я не ходил слушать речи нашего вождя. Да и на работе своей она всегда общалась непонятно с кем. Мне кажется, у неё есть связи с евреями.

Вольф слушал всё это, нахмутив брови.

– Понимаешь, Вольф, меня останавливает лишь то, что брату всего восемь лет. Что с ним станет, если её арестуют?

– Не беспокойся по этому поводу, братец, – ответил Вольф. – Рейх никогда не оставляет своих детей. Твоему

младшему будет лучше в государственном учреждении для детей, а мать должна понести наказание. Сегодня же напиши всё подробно и передай на рассмотрение в штаб.

Ганс сделал всё как сказал его новый, старший товарищ. Он написал подробный донос на мать и через три дня её арестовали. И хотя никакой вредительской деятельности и связей с евреями, следователям так и не удалось доказать, свободы она больше не увидела. Всем было известно о хитрости и коварстве сионистских тварей. Они всегда заметали следы.

Младшего брата отправили в детский дом. Ганс его больше не увидит и никогда не узнает, что через год малой умрёт от туберкулёза.

Здесь развивался и рос один большой организм. Каждую неделю в корпус пребывали всё новые рекруты. Как правило, курс обучения одного молодого человека длился два, или три года. Это зависело в основном от возраста ученика, хотя иногда в «мир», к реальной работе, выпускали и раньше времени.

Их готовили к одной цели – уничтожению людей.

Хотя всё преподносилось так, что уничтожать планировалось и не людей вовсе, а наоборот. Опасные вредные силы поработителей, мерзких загрязнителей чистоты нации, гряз-

ных коммунистов и жидов, представляющих угрозу государственной целостности Великой Германии.

Ганс быстро учился. Прошло два месяца с тех пор, как Фриц привёл его в этот тренировочный лагерь. Он обучился азам рукопашного боя, набрал в весе благодаря хорошему питанию, и у него получалось очень неплохо стрелять по мишеням.

Впрочем, больше всего Гансу нравилась теоретическая учёба в классах.

Каждый день, от трёх до пяти часов перед полуднем, будущие солдаты фюрера занимали большой зал, в котором расаживались за парты по двое. Каждому из них раздавали химические карандаши и толстые тетради, в которые необходимо было записывать лекции. Учение начиналось.

Герр Профессор – так они обращались к лектору. Герр Командир – тренировал их рукопашному бою на плацу и герр Директор иногда прохаживался по местам тренировок и наблюдал за перспективным развитием.

Учителей и тренеров было много, но ко всем они обращались одинаково: герр Профессор и герр Командир. Имен кадетам никто не называл, а спрашивать они не осмеливались. Просто так положено и всё. Да и зачем? Так даже удобнее – увидел авторитетного взрослого на плацу – это герр Командир. Авторитетный взрослый в аудитории на лекции – герр Профессор.

Так даже лучше!

Ганс сидел за партой рядом с Вольфом и с нетерпением ждал начала очередного урока.

В зале стоял гомон, всё было похоже на обычное поведение студентов, или школьников в каком-нибудь закрытом интернате для мальчиков. Если бы... не специфические «науки», которые им здесь приходилось изучать.

Дверь с треском распахнулась, и на середину зала вышел герр Профессор. Сегодня это был мужчина средних лет, с энергичным лицом и широким волевым подбородком. Он был слегка полноват, однако достаточно подтянут, чтобы его внешность допустимо было бы назвать атлетической.

Преподаватели в «кадетском корпусе» сменялись регулярно, что заставляло тренировать память «студентов» на лица. Хотя они и не подозревали о многом, но здесь всё было частью обучения, даже такие незначительные вещи, как смена причёски у нового преподавателя.

Герр профессор поставил портфель на свой стол и вскинул руку в приветственном жесте.

– Хайль Гитлер!

Студенты как по команде, дружно встали и зал сотрясло синхронное «зиг хайль».

Герр Профессор сразу приступил к лекции. Даже не открывая свой портфель, он заявил:

– Тело еврея во многом схоже по своему строению с те-

лом нормального человека. Если в ситуации пыточных мероприятий, вы вдруг окажетесь в затруднительном положении, можете быть уверены: боль еврей испытывает от идентичных действий, гипотетическое применение которых, могло бы причинить боль и вам. Иными словами, если еврей достаточно силён и его внешний вид говорит вам о том, что он может выдержать многое – вы можете для начала, опрокинуть его на пол и вдавить подошву своего сапога ему в мошонку.

Боль будет достаточной, чтобы объект отказался от всяких попыток запирательства. Не опасайтесь повредить яички. Будет даже лучше, если своими действиями вы сразу же их разможжите. Это не убьёт еврея, у него не будет кровотечения, которое угрожает жизни и главное – он уже точно не сможет размножаться.

Итак, запишите в тетрадь следующий пункт пыточного мероприятия: раздавление мошонки. Применяется к евреям мужских особей.

Профессор с глубокомысленным видом, заложил руки за спину и прошёл мимо ученических рядов. Все старательно записывали.

– Далее, – продолжил герр Профессор, – если вам на пыточное мероприятие попалась еврейская женщина, равнозначного с раздавлением мошонки метода для неё нет, ибо, как вы понимаете, еврейские суки не имеют яиц и полового

члена.

В зале раздал сдержанный хохот. Профессор мимолётно улыбнулся и возобновил монолог:

– Если останавливаться на физиологических особенностях, то для женщины в подобном формате, может сгодиться выкручивание молочных желёз. Конечно, эта боль будет не такая, как раздавление мошонки у мужика, однако здесь включается в работу также и психологический фактор. Женщина, даже еврейская, подвержена повышенной эмоциональности, и если в присутствии незнакомых мужчин, оголить ей грудь – сработает рефлекс, так называемого, социального давления. И пока еврейская женщина будет шокирована своим неожиданным... гхм... позором, вы быстро накидываете на её груди специальную верёвочную петлю и начинаете затягивать, пока цвет сисек не станет кроваво красным. Впрочем, до этого доходит редко, чаще всего еврейки ломаются гораздо быстрее.

Этот метод действенен в основном к молодым особям. Стоит учитывать, что старые еврейки – менее стыдливые и меньше реагируют на боль. Хотя старыми наша служба заниматься, скорее всего, не будет. Евреи, достигшие возраста шестидесяти и старше, – заведомо непригодны для работы, их следует немедленно отправлять на мыловаренный завод в качестве основного сырья.

Герр Профессор продолжал:

– Вам также необходимо изучить основные психологи-

ческие приёмы по работе в местах утилизации евреев. Вы должны учитывать, что их численность будет всегда во много раз превышать численность служителей лагеря. Поэтому вам необходимо держать их в постоянном страхе. Для этого вполне сгодятся показательные казни и избиения.

Вы должны всегда оставлять немного надежды для евреев. Если все они решат, что надежды нет, что избавления нет, и не будет, что все они неизбежно будут уничтожены, – вы можете оказаться в затруднительном положении. Животные, загнанные в угол, склонны к отчаянному сопротивлению, поэтому основная масса евреев на вверенной вам территории, должна искренне верить в то, что их когда-нибудь отпустят.

Профессор продолжал красочно передавать знания. Кадеты старательно записывали.

– Ещё один немаловажный фактор, запомните его: когда комендант лагеря принимает решение о ликвидации большой группы евреев, вам необходимо как можно тщательнее это скрыть. Евреи не должны знать, что их ведут на бойню. Мы придумали отличный метод, позволяющий убедить их идти на смерть добровольно. Всё просто: говорите группе, что у них банный день, заводите в специально оборудованную душевую. Перед входом они раздеваются догола и получают, каждый по куску мыла. Вы запускаете их в душ и отдаёте команду приготовиться к водным процедурам.

Профессор перевёл дух и закончил.

– После этого двери снаружи тщательно запираются, а через лейки душевых в помещение с евреями запускается быстродействующий отравляющий газ...

Подобного рода «лекции», Ганс и его сокурсники слушали ежедневно. Во всех этих ребятах развивали их самые гадкие потаённые качества. В них выявляли предрасположенность к садизму и жестокости. Эти ужасные наклонности тщательно культивировались и доводились до наивысшего своего проявления. Если в ком-то из ребят обнаруживалась склонность к сочувствию, или жалости – такую склонность душили в зародыше.

Их воспитывали в духе слепой любви и доверия к фюреру. Внушали, что евреи и коммунисты заслуживают смерти и уничтожения. Это они сделали жизнь в их Германии невозможной. Евреи забирали у них работу, угнетали нацию, заселяли территорию. Жили, эксплуатировали, крали немецкие святыни. А коммунисты... Кто они, как не еврейские марионетки?

Ганса и остальных готовили к жестокому уничтожению людей. Их готовили к тому, что позднее в истории назовут Холокостом.

Фриц предупредительно поставил перед Вильгельмом кружку с пивом.

– Итак, друг мой, думаю, что я готов буду помочь тебе. Ты знаешь, мой отец как раз работает в нужном отделе рейха. Твой юный возраст, я полагаю, не станет помехой, если ты решишься пойти учиться в кадетский корпус.

Голубоглазый блондин с шапкой светлых волос слушал Фрица, с подобострастием разинув рот. Он залпом выпил кружку пива и сказал:

– Я буду счастлив, если ты поможешь мне, Фриц, ты мой единственный друг. Пойми, я не могу больше жить с родителями! Они не видят всей картины, они не посещают партийных собраний! Они... мне даже стыдно об этом говорить, но похоже, что они... не уважают фюрера!

Фриц зацокал языком и покачал головой.

– Что ты, друг мой, думаю, ты преувеличиваешь. Ведь если это так, твои родители могут быть подвержены допросу. Ты ведь понимаешь? Не стоит спешить с обвинениями, – не дал он Вильгельму, себя прервать. – Я предлагаю тебе пока ограничиться тем, что уйти от них и поступить в корпус. Позже, тщательно всё обдумав, ты сможешь принять взвешенное решение...

– Господин оберштурмбанфюрер, к вам сын с молодым

человеком, – сообщил адъютант.

– Да-да, я свободен, пусть заходят, – ответил Рихард.

Он быстро открыл грессбух на столе и сделал несколько пометок.

Дверь открылась.

– Здравствуй, отец, разреши представить тебе моего друга

Вильгельма.

– Хайль Гитлер! – пролаял новобранец.

Краков. 1940 год

В прихожей большой квартиры ютились сразу две семьи. Раньше это шикарное жильё из десяти комнат занимали семь человек. Отец, мать, четверо детей и бабка. Но сейчас, когда наступило военное время, евреев сильно уплотнили.

Немцы сначала просили с вежливой настойчивостью. Позже, уже не церемонясь, попросту гнали вшаей и отправляли жить в скотские условия, словно каких-то бродяг.

Альфонс очень переживал по этому поводу. Никогда в жизни ему не приходилось терпеть подобного унижения. А прожил он, без малого, шестьдесят лет. Он меланхолично вспоминал то, что ему довелось услышать на последнем тайном собрании:

«Я не хочу вас зря обнадёживать, господа, – говорил председатель, – но, по информации из источника, заслуживающего доверия, нам, евреям, не стоит опасаться серьёзной угрозы. Какое-то время, конечно, придётся вытерпеть некие, хм... неудобства. Однако! Смею вас заверить, что оказывать сопротивление войскам рейха ни в коем случае не стоит!»

Прежде всего хочу подчеркнуть и это главное: цель Гитлера – Советский Союз и мы, как жители Польши, должны всеми силами оказать поддержку правительству стра-

ны, в которой живём. А правительство, по негласной договорённости, должно беспрепятственно дать возможность Вермахту разместить стратегические позиции на западных границах СССР.

Господа, господа, прошу соблюдать порядок! Это не наша война и не наше решение! Мы – обычные евреи, никому не нужные, просто сейчас нам необходимо переждать бурю, чтобы продолжить дела своих семей! Не нужно создавать беспорядки! Неужели вы считаете таким уж зазорным поносить какое-то время знак шестиконечной звезды на своём рукаве?! Ну что вы право слово...»

Чем больше вспоминал Альфонс о той речи председателя, тем сильнее он злился. Сначала повязки, потом их выставили из своих домов и поселили как скотину! Десять семей в одной квартире, что это такое?! Теперь нацисты и вовсе организовали открытый грабёж. Они просто заходят и роются в наших вещах. Отбирают драгоценности, картины, дорогую одежду! Всё, что он, Альфонс, наживал со своей семьёй всю жизнь!

Что же будет дальше?

Он с негодованием шагал из угла в угол.

Два сына: старшему двадцать пять, младшему двадцать, жена, её мать и две юные дочки, десяти и двенадцати лет. Как он мог оказывать сопротивление нацистам, имея такую большую семью? Ведь он несёт ответственность за их будуще-

ще!

Он вздрогнул, на плечо неожиданно положила руку жена.

– Что с тобой, Альфи? Ты будто сам не свой.

Альфонс разозлился.

– Сам не свой?! – переспросил он. – Сам не свой?! В уме ли ты, женщина? Ты разве не видишь, что происходит? В каком положении мы находимся? Ты что? Ты слепа, или может, глупа?

– Не нужно срывать на мне злобу, Альфонс, – с достоинством ответила жена. – Я понимаю всё не хуже твоего, однако показываю больше мужественности. Твоё поведение вызывает беспокойство у детей и мамы. Ты должен сохранять спокойствие! Мы должны это пережить!

Альфонс задохнулся от ярости:

– Ты... Ты... Дура!!! ДУУРРАА!

На них смотрели уже все обитатели прихожей. Из комнат с любопытством выглядывали соседи.

Жена побледнела и отвернулась.

– Знаешь, Альфонс, ты просто гадок!

Он лихорадочно подумал и вдруг сказал:

– Собирай вещи, мы уходим. Собирай маму и девочек. Всё, что осталось, всё, что сможешь взять. Рафаэль, Михаил, собирайтесь, мы уезжаем, – крикнул он сыновьям.

Жена застыла в недоумении.

– Куда собираться, Альфи? Куда ты хочешь нас вести? Город оккупирован.

– Молчи! Предоставь это мне. Быстро! Все быстро, выход через полчаса.

В этой семье царил патриархат. Слово отца было законом для всех. Альфонс сколотил нешуточное состояние, обеспечил будущее сыновей и дочерей, заботился о жене и её матери. Его привыкли слушаться всегда, послушались и сейчас.

Через полчаса, собрав свои скудные пожитки, еврейская семья двигалась по улицам Кракова. Они направлялись в сторону вокзала.

– Сейчас, сейчас – твердил Альфонс. – Всегда можно договориться. Где твои бриллиантовые серёжки? – спросил он жену. – В крайнем случае, дадим взятку коменданту, нас обязательно выпустят, кому мы нужны? Всего лишь одна жалкая семейка бедных евреев...

Они не прошли и километра, как их остановил патруль.

– Эй вы! Куда это вы направляетесь? – спросил рослый немец, с ружьём на плече.

– Господин офицер, – внушительно начал Альфонс. – Мы хотели бы переговорить с герром комендантом.

Немец застыл на миг и вдруг расхохотался, задрав голову.

– Ты слышал, Ганс, а? Они хотели бы поговорить с комендантом! – обратился он к своему спутнику. – Хахаха, с комендантом, ааа! Ганс! Во каков, еврей!

Альфонс ступешался. Позади него стояли две пожилые женщины, две испуганные девочки и двое взрослых сыно-

вей, которые впрочем, тоже были испуганы не меньше.

Он сбивчиво забормотал:

– Я не, позвольте... я... простите, господа, что же здесь такого смешного, я не понимаю. Не понимаю в чём...

Неожиданно второй патрульный, которого хохочущий нацист назвал Гансом, быстро подошёл и наотмашь ударил Альфонса по лицу.

– А ну заткнись, падаль!

Еврейская семья остолбенела. Казалось, что даже спутник Ганса немного смутился.

– Послушай, дружище, пока ещё не время, что ты делаешь? – тихо проговорил он.

Один из сыновей Альфонса, всё же набрался смелости и выступил вперёд.

– Как вы смеете? Как вам не стыдно? Что вы себе позволяете? – борясь со страхом, он закрыл грудью отца.

С ним рядом встал и второй брат.

Ганс окинул их холодным взглядом. Потом посмотрел на своего спутника. Тот застыл в нерешительности.

– Я... я... Ганс, я не знаю, мы ведь должны пока просто координировать их.

– Ты трусливая свинья, Вильгельм, – ледяным тоном, сказал Ганс.

Он вытащил из кобуры пистолет, приставил к голове сына Альфонса и выстрелил. Не успело мёртвое тело свалиться, и Ганс выстрелил в голову второму брату.

Жена и тёща Альфонса истошно закричали, девочки плакали, а отец семейства, схватившись за сердце, медленно опустился на землю.

Быстрым движением Ганс навёл пистолет на жену Альфонса.

Бах.

Её мать.

Бах.

Девочки, десяти и двенадцати лет.

Бах. Бах.

Он упёр ствол пистолета в голову остолбеневшему Альфонсу. Щёлк.

Магазин был пуст.

Ганс не спеша, будто в тире, перезарядил пистолет.

Прицелился...

– А хотя знаешь что, еврей, – сказал он, убирая пистолет. – Ты хотел видеть коменданта? Так иди. Его штаб-квартира в паре кварталов отсюда, думаю, ты разберёшься. Ты ведь умный, еврей, правда?

Он обернулся к своему ошарашенному спутнику.

– Следуй за мной, Вильгельм, пора тебе узнать кое-что новое о наших директивах.

И они ушли.

Альфонс сидел на мостовой и, не мигая, смотрел на груды мёртвых тел. Он не мог думать, не мог говорить, не мог даже дышать. Он попытался встать, но ноги не слушались, он

свалился снова. Всё тело свела судорога. Мужчина медленно лёг животом на землю, прислонился щекой к мощёному тротуару и тихо завыл.

Сталинград. 1942 год

Артёмка был самым младшим – семь лет. Среднему брату Витьке было десять, а старшему Семёну аж пятнадцать! Но Семён не остался с ними – ушёл вначале войны с партизанскими отрядами на север. Отец погиб ещё год назад, и теперь они остались с одной лишь матерью.

Начиналась июльская жара и если бы не война, братья круглыми сутками купались бы в Волге. Но была война, и радости в их жизни становилось меньше с каждым днём.

Витька долго злился на Семёна, что тот ушёл к партизанам тайком и не взял его с собой.

– Ну и что, что мне десять! – возмущался Витёк. – Я мог бы таскать для них дрова и помогать по хозяйству!

– Да что ты говоришь! – кричала мать. – Да если бы я знала! Ох, горе мне! А обо мне вы подумали? Обо мне?! Самый старший и бросил мать! Я ведь теперь одна! А ежели б ещё и ты убёг, что б тогда со мной было? А Артём? Артём что? Нанеси лучше дров для нас!

Витёк никогда не спорил с матерью и несмотря на возраст понимал: она права. Ведь рано или поздно война закончится, и они будут нужны матери. Если Семён не вернётся так же как отец, то он, Витька, должен будет заботиться о маме и о младшем брате.

– Прости меня мама, – сказал он. – Ты права. Ну-ну, не плачь, мам, не плачь.

Мама стала очень часто плакать с того момента, как пришла похоронка отца. Теперь её горе только усилилось беспокойством за Семёна. Как он там? Что с ним? Жив ли ещё?

Мать вытерла слёзы.

– Так ладно, давайте вы двое, идите и возьмите вёдра. По одному! И натаскайте воды в дом.

– Да, мама – с готовностью ответил Витя.

– Конечно, мама, – подтвердил Артёмка.

Они жили в старой деревянной избе, коих в Сталинграде было множество. Недалеко от их дома, находилось татарское кладбище, а в стороне от него православная часовня. Удивительное сосуществование атрибутов двух, таких различных между собой религий. Чего только не создало своим существованием Советское государство...

Правда, в семье Артёмки в бога не очень-то верили. Покойный отец был атеистом, и его сыновья не видели причин для измены убеждениям отца. А мама... эх, бедная мама, до того ли ей было, чтобы бегать по церквям и ставить свечки?

Поднимались они всегда засветло. Небольшое хозяйство, состоящее из десятка кур и коровы, требовало начинать день с ночи. И в этот раз ещё даже не пропел петух, когда братья получили от матери первое на день задание.

Они бодро прошагали мимо часовни. Колодец находился

в километре от избы. Вопреки наставлению матери, Витька всё же взял два ведра, однако Артёмке повторить за собой не позволил.

– Нет, я сказал. Послушай, Артём, в конце концов, мне тоже может оказаться трудным нести два ведра, и тогда ты поможешь мне. Мы сможем взять его двумя руками, с двух сторон, понимаешь?

Они наперегонки примчались к колодцу, но здесь уже выстроилась очередь из шести человек.

– Кто последний? – закричал Артёмка.

– За нами будете, ребята, – отозвалась откуда-то сзади бабка.

Оказалось, что очередь состояла не из шести человек. Просто некоторым было трудно стоять и они уселись позади на ствол поваленного дерева.

Артёмка обречённо вздохнул и посмотрел на брата.

– Ну ладно, подождём, что поделать, – развёл руками тот и вдруг предложил, – а, хотя... может, пойдём до следующего колодца?

Следующий колодец был дальше ещё на километр, и к нему ходило меньше народа. Именно из-за отдалённости в лишней километр. Но разве это могло стать помехой детям?

Артёмка обрадовался.

– Да! Конечно, пойдём на дальний колодец!

И они вприпрыжку побежали, размахивая вёдрами.

Второй колодец был почти возле Волги, и брата не смог-

ли отказать себе в удовольствии окунуться в прохладной воде.

Но купание затянулось, и Витёк с тревогой посмотрел на небо. Занималась заря, и скоро взойдёт солнце.

– Ладно, братец, заканчиваем, – сказал он. – Мать нам сейчас вставит по первое число.

Они наполнили вёдра и поплелись домой.

С тяжёлой ношей идти прежним темпом было уже нелегко, но юные ребята всё равно имели избыток энергии, которую и пустили в разговоры.

– Знаешь, Артёмка, когда война кончится, я, наверное, пойду учиться на инженера! – заявил Витя.

– А кто это инженер? – заинтересовано спросил малой.

– Инженер! Ээ, брат! Ты что, не знаешь кто такой инженер? Не знаешь? – в изумлении поднял брови старшой.

– Ну как, – смутился Артёмка. – Яяя, в общем, знаю, просто, видишь ли... забыл!

Старший брат недоверчиво усмехнулся.

– Ага, как же, бабушке расскажи, забыл он!

– А вот и забыл! А вот и знаю!

– Так зачем спрашиваешь тогда, балда, кто есть инженер? Забыл, так и вспоминай, дурень!

– Сам дурень! Сам балда! – возмутился Артёмка.

– Вот я тебе щас дам... – угрожающе двинулся на него старшой, опуская вёдра с водой на землю.

– Ну всё, я пошутил, пошу... – примирительный жест Ар-

тёмки прервал механический вой.

Выыыыуууу, выыыыуууууууу, выыыыуууууууу.

Оба брата заткнули уши.

– Что это? – проорал Артёмка.

– ВНИМАНИЕ! ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА! ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА!

Голос репродуктора тут же заглушили взрывы.

Повсюду, то тут, то там падали бомбы, в небе кружили вражеские бомбардировщики.

Витя схватил за руку младшего брата, и они побежали.

Вёдра были брошены, разговоры забыты.

– Домой, скорей домой! – кричал на бегу Витёк, не отпуская руки брата. – Мама, мамочка, домой! Мама!

Артёмка сдерживал слёзы, готовые ручьём пролиться из глаз.

Они бежали что есть сил, бежали-бежали-бежали.

Впереди показался ближний колодец.

Взрыв.

Колодца больше нет, вокруг образовалась чудовищная воронка, их накрыло комьями земли.

– Ты цел? – спросил Витя.

– Да, д-да, – Артём всё-таки заплакал.

– Ну-ну, братец, всё будет хорошо. Скорей побежали, надо забрать маму и найти бомбоубежище. Бежим, ну, будет тебе, в одно место дважды никогда не падает, не бойся, братец, вставай.

Они снова побежали. Миновали место, где раньше был ближний колодец. Повсюду была паника. Женщины, дети, старики. Все они суетились и искали место, где спрятаться.

По пути под ноги то и дело попадались части человеческих тел. Оторванные руки, ноги, головы. Старший брат, пытался закрывать ладонью глаза младшему, но через какое-то время ему стало понятно, что это бесполезно. Мертвецов было слишком много.

Наконец Витя закричал:

– Дом, вон наша изба, Артём, вон впереди! Цела! Мама жива, Артёмка!

Изба была уже метрах в трёхстах.

Они побежали, что было сил и закричали в один голос.

– Мама! Мама! Мама!

Калитка открылась, и тут же показалось испуганное лицо матери. По всему было видно, что она сидела у самой двери и ждала своих детей.

Мама побежала им навстречу. Витя отпустил младшего брата и вырвался вперёд.

Артёмка запыхался и остановился отдышаться.

Страшное позади, мама жива. Слёзы облегчения потекли из глаз. Он направился к матери и старшему брату шагом.

Витёк с разбегу обнял мать, они остановились и оба плакали.

–Артёмка, Артёмка, ну что же ты, давай скорее, – кричала мама сквозь слёзы.

Артёмка шёл, пытаясь отдышаться. Вот они, мама и брат, в каких-то ста метрах, а позади них родительская изба. Старая, добрая, деревянная изба.

Он смотрел в лицо матери, брат обернулся и тоже посмотрел на него.

Залитые слезами, чёрные от копоти, добрые и ласковые лица. Такими он запомнит их на всю жизнь. Такими он увидел их в последний раз. Время будто остановилось. Звук пикирующего самолёта, свист, взрыв.

Там, где только что была родительская изба и мама с братом, ввысь взлетел столб огня, земли и обломков.

Артёмку отбросило назад. Он потерял сознание.

Лейтенанту Коваленко с отрядом из пяти человек было поручено заниматься поисками выживших. Бомбёжка продолжалась, но отважные солдаты двигались, умело маневрируя между горящими развалинами. С ними бежали уже четверо детей и две женщины.

– Осторожно, осторожно, ложись! – командовал Коваленко.

– Бегом марш, бегом! Вон к тем деревьям, давайте, быстро-быстро!

Тут он заметил зарытого по пояс в землю ребёнка. Коваленко подбежал и потрогал пульс. Жив!

– Так, все продолжаем движение! Самойлов, ко мне!

– Есть!

Рослый детина проворно присел рядом с лейтенантом.

– Самойлов, возьми ребёнка, он без сознания, понесёшь на руках.

– Так точно!

Они продолжали движение.

Артёмка в забытьё чувствовал, как крепкие мужские руки заботливо качают его, словно младенца.

– Па...па, – в беспамятстве проямлил он. Но его никто не услышал.

Отряд Коваленко быстро приближался к Волге.

– Самойлов, Краснов, как подойдёте к воде, садитесь в лодку и переправляйте на левый берег людей! Мы с оставшимся отрядом идём искать ещё. Как переправите – на том берегу будет ждать Лубенко, передайте детей ему, а сами пулей назад. Всё понятно?

– Так точно, товарищ лейтенант! – синхронно ответили солдаты.

– Хорошо, действуйте! Остальные, за мной!

Оставшийся поисковый отряд, повернул обратно в пылающий город. Всё было окутано пламенем, горели даже камни!

Двое солдат остались с детьми и женщинами, Самойлов продолжал держать на руках Артёмку. Они стремительно

приближались к воде.

Краснов стащил на воду крупную деревянную лодку и сел на вёсла.

– Давайте все сюда, быстро сюда!

– Смотрите! – воскликнул кто-то из детей. – Волга! Волга горит!

Все посмотрели на реку. Ближе к середине, по воде растекались языки жидкого пламени.

– Нефть! – сказал Краснов.

Все уже были в лодке кроме Самойлова. Он осторожно передал Артёмку и остановился.

– Ну чего ты! Скорей! – крикнул Краснов.

Самойлов застыл.

– Подожди. Я что-то слышу!

Он обернулся и бросился обратно к берегу.

Неподалёку упал снаряд, и берег моментально окутало дымом. Самойлов пропал из виду.

– Саня! – заорал Краснов. – Санёк! Санёк!

Берега по-прежнему не было видно за дымовой завесой. Краснов выпрыгнул из лодки, в последний раз крикнул и, не дождавшись ответа, оттолкнул лодку дальше. Зайдя по пояс в воду, он протащил лодку ещё перед собой и, толкая вперёд, вскарабкался внутрь.

Что ж, Самойлова больше нет! Он сел на вёсла и уже приготовился грести, как из клубов чёрного дыма показался пропавший соратник.

Самойлов быстро заходил в воду, держа под мышками двух маленьких девочек.

– Стой! Стой! Я говорил же! Говорил, что слышу что-то! Они усадили девочек в лодку.

– Греби, Краснов, греби один! Всех нас не выдержит, потонет! Я поищу ещё детей, – кричал Самойлов.

Краснов не стал спорить, он знал, что его друг прав.

– Я скоро вернусь! – закричал он и энергично начал грести.

Самойлов стоял по пояс в воде и улыбался, махая рукой, вслед уплывавшей лодке. Дети плакали и махали ему в ответ. Фигура солдата быстро уменьшалась. Наконец Самойлов отвернулся и вышел на берег. Надо попробовать найти отряд командира. Или поискать ещё детей и женщин самостоятельно.

Краснов отчаянно грёб, руки сильно устали, но он не мог позволить себе отдохнуть. Превозмогая боль, он делал всё новые и новые гребки. Ещё десять метров, ещё десять, ещё. Они стремительно прошли мимо горячей воды. С каждой минутой вожаденный левый берег становился чуть ближе.

Вперёд. Краснов загребает вёслами. Назад. Ещё, ещё раз. Силы на исходе, руки прожигает пульсирующая боль, они немеют. Но нет, он не может остановиться, не имеет права!

Краснов перестал осознавать происходящее, он просто выполнял одни и те же действия. Вдруг вёсла упёрлись в илистое дно.

Добрались!

Краснов как во сне выпрыгнул из лодки в воду и протащил её по воде волоком.

– Вылезайте! Вылезайте! Скорей! Я должен вернуться обратно!

Две женщины быстро выбрались из лодки и помогли вылезти детям. Всего семеро, четыре мальчика и три девочки, двух из которых в последний момент усадил в лодку вместо себя солдат Самойлов.

Когда Краснов остался один, он крикнул:

– Выходите на берег и идите к деревьям, там вас ждут! Вам нужен старший сержант Лубенко! Запомнили?

Женщины кивнули.

– Всё! Я пошёл! – крикнул напоследок Краснов и снова заработал вёслами.

Одна из женщин обернулась к детям.

– Так, ребята, меня зовут тётя Сусанна. Это – тётя Марина, – указала она на вторую женщину. – С вами мы познакомимся позже, сейчас держитесь возле нас и никуда не вздумайте отходить! Вы слышали, что дядя солдат сказал?

Дети синхронно закивали.

– Хорошо, значит сейчас, быстро идём к деревьям.

Артёмка ещё в лодке пришёл в себя, но ни разу не сказал ни слова. Вместе со всеми ребятами, он побежал к деревьям.

На другом берегу продолжали гроыхать взрывы. Слышались пулемётные очереди, грохот обваливающихся зданий, рёв пожара... Они пробежали песочный пляж и ступили на жёсткую траву. Артёмка обернулся, чтобы посмотреть на город.

Его взору предстала страшная картина. Неба уже не было видно за чёрной пеленой, всю поверхность воды заволочло густым дымом и языками пламени. В воздух поднимался шипящий пар. На той стороне не прекращались вспышки взрывов. Похожие на фейерверки, то тут, то там, разлетались в стороны красные шары. словно конфетти в небо взлетали обломки зданий. Это было похоже на ад. Нет, это и был ад.

Артёмка судорожно сглотнул и отвернулся.

Их малочисленная группа стояла среди деревьев. Вдруг перед ними откуда ни возьмись, появились двое солдат.

– Товарищи, – сказала тётя Сусанна, – мы с того берега, нас солдаты переправили.

– И где они? – спросил один из солдат.

– Вернулись! Вернулись, товарищ! Краснов, кажется, он вернулся. На той стороне остался товарищ Самойлов. Нам велено найти старшего сержанта Лубенко.

Чёрные глаза внимательно осмотрели беглецов.

– Хорошо, – сказал, доселе молчавший, второй воин. – Я – Лубенко, следуйте за нами.

Они прошли далеко вглубь левого берега. Миновали болотистую местность и редкие деревья. Звуки бомбёжки были по-прежнему слышны, но немного поутихли.

Лубенко шёл впереди с винтовкой наперевес, далее следовали Сусанна с Мариной и дети. Девочки, спасённые Самойловым, оживлённо разговаривали с остальными ребятами, трое из них были мальчиками возраста чуть старше Артёмки и ещё одна девочка. Шествие замыкал спутник Лубенко с винтовкой наизготовку.

Артёмка шёл молча и не участвовал в разговоре детей. Он так и не проронил ни слова с того момента, как очнулся в лодке. Перед глазами стояла картина ужасной смерти матери и брата. Он не плакал, не мог. Ему казалось, что всё вокруг – это ужасное недоразумение, какой-то кошмарный, дьявольский сон. Артёмка всё ждал, что вот-вот послышится петушиный крик, его растолкает Витька, и они снова поплетутся за водой к колодцу.

Он проснётся и расскажет старшему брату, какой ему приснился страшный кошмар. Говорят, что если рассказать сон, то он никогда не сбудется! Он обязательно расскажет об этом сне и брату, и матери, и всем знакомым. Лишь бы, лишь бы поскорее проснуться!

Спотыкаясь, мальчик тащился за своими спутниками и

никак не мог заставить себя проснуться! Какой плохой, назойливый сон!

Шедший впереди Лубенко резко остановился и поднял вверх руку.

– Стойте! Всем молчать!

Солдат сзади вскинул винтовку.

Лубенко медленно осмотрелся, поглядел куда-то вдаль и вдруг истошно заорал:

– Бегите! Бегите скорее, все бегите!

И только он это выкрикнул, как затрещали автоматные очереди.

Сусанна с Мариной подхватили самых маленьких детей на руки и побежали. Артёмка и остальные ринулись за ними.

Лубенко и второй солдат, хаотично отстреливались.

Где-то сбоку послышалась грубая немецкая речь.

– Швайне! Фаяр! Фаяр!

Одному богу известно, как женщинам и детям удалось убежать из-под огня. Не прошло и десяти минут, как из небольшого овражка показалась группа немцев. Пятеро нацистов, не спеша подошли к изрешечённым пулями советским солдатам.

Первый немец развернул носком сапога труп соратника Лубенко. В остекленевшем взгляде мертвеца застыла ненависть.

Лубенко лежал поодаль на боку, сложив руки у разорванного живота.

– Швайне, руссиш швайне! – пролаял немец и пнул Лубенко.

Вдруг, «мёртвый» советский солдат перекатился на спину.

Жив! Окровавленный рот расплылся в страшной улыбке.

– Это тебе, сука, – сплюнул он кровавую слюну под ноги немцам. – На!

И разжав пальцы, прикрывавшие разорванный живот, уронил посреди врагов гранату.

Конфетти из ошмётков человеческих тел разлетелось по степи.

Держась за руки, женщины и дети бежали по высушенной жарким солнцем траве. Сусанна как-то сразу стала в их отряде главной, и Марина теперь постоянно смотрела на неё, ожидая следующего решения.

Они услышали взрыв гранаты далеко позади и ещё сильнее припустились бежать.

– Давайте, ребятушки, давайте ещё чуть быстрее, – говорила на бегу Сусанна, сдерживая рыдания.

Теперь они остались совсем одни, без защиты. Семеро маленьких детей и две женщины. Что было делать дальше?

Сусанна увидела в отдалении тихую речушку, вдоль которой плотными рядами выросли деревья.

– Туда, – сказала она. – Бежим туда, ребята.

Вскоре все они уже лихорадочно умывались и пили речную воду.

Сзади послышался звук мотора.

Женщины затаили дыхание и загородили своими спинами детей, всё ещё плещущихся в воде.

Какого же было их облегчение, когда они услышали русскую речь.

– А где Лубенко? – спросил громадный бородач в простом крестьянском одеянии.

– Мы... мы не знаем, – ответила Сусанна. – На нас напали немцы и он... он остался отстреливаться, не знаем! Мы слышали взрыв.

Громадный бородач хмуро кивнул.

– Вы с того берега? Пошли за мной. Все в машину.

Это был старый, тархтевший во всех местах, грузовик. Не задавая лишних вопросов, женщины усадили детей и вскарабкались сами.

Бородач сел за руль и машина тронулась.

Ехали они недолго и вскоре остановились возле большой деревянной избы.

– Эй, бабка! Давай встречай пополнение. Ну скорей! – закричал бородач.

Из избы тут же выбежала энергичная старуха и замахала руками:

– Родненькие, идите, идите все сюда! Спускайтесь, спускайтесь!

Сусанна и Марина выпрыгнули из кузова и поочередно спустили на землю семерых детей.

– Коленька, может, молока хоть выпьешь? – обратилась бабка к водителю.

– Нет, бабка, я поеду. Поищу других людей, может кого ещё переправили, – не дожидаясь ответа, он крутанул руль и уехал.

– Ну с богом, – перекрестила бабка удалявшийся грузовик.

Спасённые беглецы стояли в смятении и ждали дальнейших распоряжений.

– Так, ребятунки, – обернулась к ним бабка. – Меня зовут Агафья, можете звать просто бабкой. Идёмте в дом, у меня места много, сейчас сюды привозят ко мне людей с той стороны, а после вас в эвакуацию всех, как транспорт готовить! Ну идём, идём! Голодные поди все!

Они послушно засеменяли за бабкой Агафьей.

Её длинная изба, чем-то похожая на барак, стояла одна-одинёшенька вдали от ближайшего хутора. Давным-давно они с дедом, будучи ещё молодыми, учредили здесь нечто, вроде постоянного двора. И теперь их изба пришлась очень кстати, как раз из-за своей отдалённости от мест основных боёв.

В избе уже было много народу. В основном старики и ма-

лые дети. Была одна кормящая мать с грудным младенцем и молодой парень, юродивый. Он постоянно издавал какие-то мычащие звуки, но в целом был безобиден и никто его не пугался.

– Так, ребяташки, давайте знакомьтесь, я пока вам поесть принесу.

– Спасибо, бабушка, – поблагодарила за всех Сусанна.

– Что ты, милоя, располагайтесь дорогие мои, чего уж мне старой, одна радость осталась, вам помогать!

Посреди большой комнаты, заменяющей здесь столовую, стоял массивный деревянный стол. По обе стороны от него тянулись длинные лавки, на которые скромно уселись вновь прибывшие.

К Сусанне подошла кормящая мать с младенцем в руках.

– Здравствуйте, меня зовут Наталья, – протянула она руку.

– Здравствуйте, Сусанна – представилась женщина в ответ.

– Марина, – представилась и её «правая рука».

В комнату вошла бабка, неся обеими руками здоровенный котелок.

– Ешьте, ешьте. Картоху ешьте. Сяйчас молока исчо принесу.

Дети с жадностью набросились на картошку.

Когда все немного насытились, бабка показала им комна-

ты, где на полу штабелями были разложены топчаны и солома. С оглядкой на ужасы Сталинграда, это можно было бы назвать санаторием.

Дети быстро привыкли и даже стали иногда смеяться и играть между собой. Все, кроме Артёмки. Он по-прежнему хранил молчание и не хотел верить в реальность. В глубине своей мальчишеской души, Артёмка был уверен в том, что это всего лишь длинный и продолжительный сон. Скоро наступит утро и он проснётся.

Прошло три месяца. Дети полностью освоились, помогали бабке Агафье по хозяйству. Сусанна, Марина и молодая кормящая мать работали на кухне и помогли собрать запасы к зиме. Летний зной сменился похолоданием, заканчивался сентябрь 1942 года.

Эвакуация так и не прибыла, то ли забыли про эту избу-барак на отшибе, то ли не доехали. Водитель Коля тоже больше не приезжал и их собранная общим несчастьем семья, уже не пополнялась, и казалось, была всеми забыта и покинута.

– Погиб поди, родненький, – утирала слезу, бабка Агафья, вспоминая Колю.

На это возразить было нечего. Да, скорее всего, он погиб. Так же, как и все остальные. Ведь отряд лейтенанта Ковален-

ко занимался всецело тем, что отыскивал беспомощных людей и спасал. А теперь... что ж, теперь вероятно, этого отряда больше нет. Ни на этом, ни на том берегу.

Издали регулярно доносились звуки бомбёжки и перестрелок. В небе постоянно кружила авиация, вражеская и советская.

Изба отшельников находилась не только в отдалении от населённых пунктов и дороги, но и была скрыта густой порослью деревьев с неба. словно старик со старухой знали когда-то, что их дом должен быть спрятан от взора небес.

Но осень всё сильнее вступала в свои права, и густая листва стремительно опадала с заботливых ветвей. Вскоре изба станет видна с воздуха, а значит сюда могут нагрянуть немцы... Или попросту сбросить одну меткую бомбу...

Страх смерти у людей в Сталинграде сильно притупился. Когда вокруг тебя ежедневно умирают десятки твоих знакомых, когда смерть самого родного для тебя человека становится чем-то почти обыденным, это не может не влиять на твоё мировоззрение.

Боль утраты не становится от этого меньше, но видя ежедневно как точно так же умирают дети, родители, братья, сёстры, жёны и мужья у всех вокруг – ты постепенно привыкаешь к мысли о том, что такое горе... приемлемо!

За избой бабки Агафьи вместе со строением, под сенью деревьев был спрятан и участок с огородом. Был у неё и ку-

рятник с петушком и несущими птицами. Была и корова.

Со всем этим хозяйством они отлично управлялись вдвоём с дедом, пока не началась война. Дед умер почти что своей смертью зимой 41-го. Старик слишком сильно переживал за сыновей, воевавших неизвестно где и неизвестно, живых ли ещё. Одним морозным утром, он поднялся с кровати и тут же лёг обратно. Он даже не смог позвать бабу, судорожно вздохнул и закрыл глаза с тем, чтобы больше не открыть их никогда.

С начала войны, к бабке Агафье регулярно навевались советские солдаты. Их здесь кормили и давали приют. Они же и похоронили деда неподалёку, поставив по настоянию бабки, над могилой связанный из веток деревьев крест.

Теперь, когда на другом берегу фашисты бомбили Сталинград, у бабки Агафьи организовалась её личная, маленькая эвакуация. Вот только уже три месяца эвакуированных не привозят, а советские солдаты перестали её навещать.

Почему?

Этим вопросом старуха задавалась уже сотни раз. Значит ли это, что в городе попросту не осталось живых? Значит ли это, что умерли все до одного военные, знавшие об этом, потаённом месте?

Холодной октябрьской ночью, Сусанна проснулась от звука тарахтящего мотора. Она быстро встала и растолкала Марину.

– Кто-то приехал! – громким шёпотом сказала она. – Надо бабушку будить.

Но бабушка уже открывала тяжёлую деревянную дверь.

Втроём они выбежали на улицу и остановились в нерешительности.

В крошечной тьме ярко светили фары грузовика.

Женщины пугливо застыли. Кто это?

Из грузовика один за другим вылезли шесть человек. Мужские силуэты в темноте, ничего больше. Ни формы, ни оружия, ни лиц, ничего не видно.

– Хенде хох! – грубо крикнули из темноты.

Последняя надежда рассеялась словно дым.

Немцы приблизились и грубо заржали.

– Партизан? Партизан? Я? – насмешливо спросил один из них.

Указав дулом винтовки на избу, немец что-то повелительно пролаял.

Женщины вошли в дом. Следом за ними, подозрительно озираясь, вошли фашисты.

В избе уже никто не спал, все обитатели последнего пристанища, затаив дыхание, жались по углам. Фашисты осмотрели все комнаты и согнали жителей в столовую.

– Есть! Бистро! – скомандовал фашист.

Бабка Агафья не двинулась с места, с ненавистью глядя на немца. Такая добрая и предупредительная со своими подопечными старушка, сделалась сейчас самым олицетворением зла.

– Да пшёл ты, мразь! – не своим голосом произнесла бабка и плюнула в лицо немцу.

– Швайне! – заорал тот, замахнулся и ударил бабку прикладом ружья.

Агафья свалилась как подкошенная.

Фашист не унимался.

– Швайне! Русиш швайна! Старый швайне! – орал он и бил ногами лежащую без сознания бабку.

Старушечье тело обмякло, последняя искра жизни угасла.

Все застыли как парализованные. Артёмка, стоящий близко к выходу, незаметно взял за руки двух девочек-сестёр и тихо потянул к себе. Не издавая не звука, малышки подчинились.

Фашист что-то скомандовал двоим солдатам на немецком, и те ринулись на улицу. Почти сразу послышалось испуганное коровье мычанье и куриное кудахтанье.

– Ааа, красавиц! Красавиц! – ухмыляясь, сказал тем временем, главный фашист, подходя к Сусанне.

– Не надо, пожалуйста, – пролепетала она.

Марина, стоящая подле неё всхлипнула.

И тут несчастных жертв как прорвало. В избе моменталь-

но со всех сторон зазвучали рыдания.

– Малчать! – заорал немец и разорвал на Сусанне рубаху.

Трое других, набросились на Марину.

С улицы вернулись фашисты, держа в каждой из рук по курице. Увидев, происходившую здесь забаву, они, недолго думая, направились к оставшейся взрослой женщине, с грудным младенцем на руках.

Младенец отчаянно кричал. Мать плакала и умоляла оставить ради дитя.

Грубые руки выхватили младенца. Второй немец схватил мать и повалил на стол, разрывая одежду.

– Партизан! Партизан! – глумливо кричал фашист, тыкая пальцем и лицо малышу.

Ребёнок не переставал кричать.

Предводитель только что закончивший насилловать Сусанну, подошёл, на ходу застёгивая штаны, и что-то сказал лающей немецкой речью, указывая на Сусанну.

Фашист, глумившийся над младенцем, бросил дитя на пол, будто мешок с мусором и, ухмыляясь, направился к Сусанне.

Предводитель тем временем брезгливо глядел на ревушего младенца. Склонив голову на бок, он с отвращением всматривался в маленькое, корчащееся на полу личико, а потом занёс над младенцем ногу, обутую в тяжёлый сапог и с хрустом раздавил миниатюрную голову.

Мать ребёнка, которую в этот момент насилдовал уже вто-

рой человек, перестала кричать. Задыхаясь от ужаса, она просто закрыла глаза и в бессилии, уронила голову.

Что происходило в избе дальше, Артёмка уже не видел. Он тихо вывел двоих девочек и незаметно увёл их в темноту. Что сделают нацисты с другими детьми, он уже никогда не узнает. Но что мог сделать в такой ситуации семилетний ребёнок?

Ничего.

А он сделал. Он сбежал. И спас ещё двоих детей.

Удалившись на безопасное расстояние, они припустили, что было сил в сторону Волги. Артёмка так и не заговорил за всё время, что пробыл в избе бабки Агафьи. Он не знал в точности, почему он перестал говорить, но был уверен в одном: это всё сон. Такого, просто не могло случиться с его мамой и братом. Это невозможно. И то, что он видел только что в избе не реально. Так не бывает, живые люди на такое не способны.

Пожалуй, уверенность в нереальности придала Артёмке дополнительные силы, он совсем уже перестал бояться и поэтому так легко вывел девочек.

Ему нравилось делать свой сон более интересным. Потом, когда он проснётся, он будет долго и подробно рассказывать обо всём Витьке. Вот уж и обзавидуется старшой. Конечно, он будет бахвалиться и говорить, что ничего особенного, что он видел сны и поинтереснее, но... оба они будут знать, что

это неправда.

Миновав последний пролесок, Артёмка и девочки выбежали на песчаный берег.

Занимался рассвет, было холодно. Дети остановились перед могучей рекой и как замороженные смотрели на правый берег.

Сталинград превратился в руины. Гротескно-уродливые чёрные развалины, дым и пепел. Повсюду, насколько хватало взгляда. Справа. Слева.

Слышались приглушённые выстрелы и периодические автоматные очереди. Вот уже четвёртый месяц на этом пепелище продолжается бой.

Артёмка упал на колени и повалился на бок.

«Боженька, сделай так, чтобы я наконец проснулся. Пожалуйста, боженька, помоги проснуться» – шептали дрожащие, детские губы...

Девочки стояли рядом и тихо плакали.

Нью-Йорк. 1943 год

Мистер Вуд был человеком основательным. В прошлом году он отметил свой пятидесятилетний юбилей и считал, что на данном жизненном этапе его успеху могли бы позавидовать многие.

Удачно воспользовавшись ситуацией, возникшей пятнадцать лет назад в связи с сухим законом, мистер Джон Вуд аккуратно, без фанатизма, примкнул в бутлегерскому бизнесу. Он ловко маневрировал именно на той грани, на которой ты ещё не стал опасным преступником, однако можешь позволить себе зарабатывать чуть больше, чем любой законопослушный американец.

Джон Вуд юлил, хитрил и исчезал когда нужно. Он не зарился на слишком большие деньги и оставался на положении никому неизвестного, мелкого самогонщика. Для мафии Вуд был всего лишь шестёркой, а для полиции и вовсе, частичкой человеческого фона.

В общем, к моменту отмены Сухого закона, мистер Вуд смог сколотить неплохой капитал и так же незаметно как проходила и вся его жизнь – перебраться вместе с женой и двумя маленькими детьми из Чикаго в Нью-Йорк.

И когда начались массовые аресты крупных гангстеров, семья Вудов уже давным-давно преспокойно занималась

скромным бизнесом, торгуя кондитерскими изделиями в уютной кофейне на Манхеттене.

Пожалуй, богачами эту семейку назвать было нельзя, впрочем, доходов от легального дела было достаточно для того, чтобы поручать всю необходимую работу нанятому персоналу, а самим по большей части, заниматься личной жизнью.

Кроме того, Джон Вуд поместил крупную часть, отмытых после бутлегерства, денег в надёжные облигации и теперь при любом положении в стране всегда мог рассчитывать на небольшие дивиденды.

Жена Джона Вуда была моложе его на десять лет. Они познакомились, когда ему было тридцать, а ей двадцать. Эта женщина, что называется, прошла со своим муженьком огонь и воду. Делила с ним все его невзгоды и жизненные перипетии. Теперь, когда у нашего героя в жизни стало всё стабильно хорошо, он ни за что бы не променял эту женщину ни на какую молоденькую фифу.

Звали жену Джона Вуда – Элизабет. В свои сорок Элизабет сохраняла все важные для женщины черты привлекательности, ухаживала за кожей, держала своё тело в подтянутой форме и со вкусом одевалась. Это тем более льстило мистеру Джону Вуду, ибо он, в свою очередь, был шарообразным мешком дерьма (как назвал его однажды в детстве, старший брат), и такая характеристика его физического образа с годами становилась всё более обоснованной и, так ска-

зять, весомой.

У Джона и Элизабет было двое взрослых детей: дочь и сын. Дочь звали Изабелл (почти как мать) и в этом году ей исполнится восемнадцать. Сын – Джордж, был младше сестры на два года. Дети очень уважали своего отца и любили мать. Всегда прислушивались к советам родителей и редко давали им повод для огорчения.

Вуды жили в большой квартире на десятом этаже Нью-Йоркской многоэтажки. У каждого члена семьи была своя комната, а также общая гостиная, столовая и кухня. Немного американцев могли позволить себе жить так же, а те, кто и жил, чаще всего были обременены пожизненными кредитными обязательствами. В стране царил суеда и безработица. Граждане ещё не успели оправиться от Великой депрессии, как появилась новая проблема – чёртовы япошки. Напавшие однажды, рано утром, на военную базу Перл Харбор, что в штате Гавайи.

Надо было быть очень продуманным и хитрым человеком, чтобы среди всего этого беспорядка и неразберихи, сохранить финансовый достаток и даже его преумножить, как это сделал мистер Джон Вуд.

Большинство людей в Америке жили хуже, что тут сказать. Да, на питание заработать способен был каждый, но комфортная жизнь... нет, сэр. Кризис, есть кризис – что для единиц прибыль, то для всех остальных всегда убыток, ни-

чего не поделаешь.

Поздним воскресным утром семья Вудов собралась за большим обеденным столом. Негритянская прислуга старательно накрывала на стол, мистер Джон, отец семейства, водррузив на нос очки, читал газету. Элизабет чутко следила за действиями ниггеров, чтобы не дай бог, не дотронулись до готовой еды своими черномазыми пальцами. Изабелл и Джордж, как и полагается детям, опаздывали к столу.

– Дети! Идите завтракать! – в третий раз повелительно провозгласила Элизабет.

– Щас, мам!; – Уже иду, мам! – Раздалось поочерёдно из разных комнат.

– Джон, оторвись уже, наконец, от своей газеты! Ну что там такого важного может быть? – проворчала Элизабет.

– Сейчас, милая, – отозвался Джон. – Тут пишут, что Советы окончательно перешли в наступление после победы в Сталинграде.

– И что? – равнодушно спросила жена.

– А то, что часть акций из нашего портфеля надо срочно продавать. В связи с изменением положения на восточном фронте, неминуемо поменяется и состояние на фондовой бирже. Я должен связаться с нашим брокером пока ситуация ещё не так очевидна. Поверь, если делать всё правильно, то к моменту, когда русские перейдут в наступление уже за пределами своих границ, вполне реально, как минимум, утроить наши активы.

Элизабет сделала глоток апельсинового сока.

– Хорошо, но это ведь можно сделать после завтрака? – спросила она и закричала в четвёртый раз. – Дети! Завтракать!

– Конечно, милая, – отложил в сторону газету Джон Вуд.

Брат с сестрой наконец-то послушались мать. В столовую вошли двое молодых людей. Среднего роста парень, начинающий заметно полнеть и стройная девушка, с длинными прямыми волосами, ростом чуть пониже брата. Судя по всему, гены этих детей равномерно распределили красоту матери – дочери и безобразие отца – сыну, хотя, пожалуй, «шаурообразным мешком дерьма» Вуда младшего пока ещё называть было нельзя.

Изабелл будто птичка подлетела к отцу и поцеловала его в щёку. Дети уселись по обе стороны от родителей и протянули руки для традиционной молитвы.

Семья Вудов не была религиозной, скорее чтит традиции общества, в котором жила и, по давно заведённой отцом привычке, делала всё, чтобы исключать любые явные проявления различий от основной массы людей.

– Поблагодарим Господа нашего за еду, что он дал, – пробормотал, склонив голову отец. – Аминь.

– Аминь, – повторили все и принялись за яичницу с беконом.

Элизабет хрустнула кусочком скорлупы и недовольно ска-

зала:

– Эти ниггеры совсем не умеют готовить! Эй, Джо, это что такое? Кто жарил яйца сегодня?

Здоровенный негр подошёл, склонив голову:

– Простите, мэм, должно быть это моя жена.

– Жена? Какого чёрта в моей яичнице скорлупа? Она что, в первый раз готовила завтрак? Вот рассчитаю всю вашу проклятую семейку – будете знать! Последнее предупреждение тебе и иди сейчас же передай это своим... гм... «коллегам»! – брезгливо закончила она.

Негр покорно склонил голову и удалился. Элизабет продолжила, обращаясь уже к мужу:

– Ты только глянь на них Джон! Не прошло и ста лет как им дали волю, а они уже начинают качать права! Нет, ты подумай только! Найди мой дед в яичнице, которую жарил раб, скорлупу! Да я не знаю, что бы он сделал! Пожалуй, заставил бы грязного черномазого неделю жрать куриный помёт! Подумать только! Оборзевшие, мерзкие ниггеры! – возмущалась Элизабет.

– Не стоит так переживать, дорогая, – сказал Джон мягко. – Это всего лишь наши слуги. Ты же понимаешь, что негры это и не люди то, в сущности. Думаю, так или иначе, а это понимают все. Милая, если тебе так хочется, я прямо сейчас выгоню их всех, но тогда придётся искать новых. А белых слуг сейчас заводить не стоит – ты ведь понимаешь, что они стоят дороже, а нам ни к чему лишнее внимание...

Он говорил вкрадчивым, монотонным голосом. Это всегда успокаивало ярость жены. Успокоило и на этот раз.

– Ладно, пёс с ними, проклятые обезьяны, – проворчала она напоследок и добавила сливок в кофе.

Какое-то время семья ела молча. Потом тишину нарушила Изабелл:

– Мам, пап, я хотела бы услышать ваше мнение ээ, по одному вопросу.

Отец посмотрел на дочь поверх очков.

– Да, милая?

– Моя подруга, Рейчел, собирается ехать в Голливуд. Там через два месяца будут пробы на новое кино, и... я хотела бы тоже попробовать стать актрисой.

Джон и Элизабет переглянулись.

– Что ж, – начал отец, – мы с мамой считаем, что это неплохая идея. Знаешь, Изабелл, ты вправе самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Если хочешь услышать моё личное мнение, то за кинематографом будущее. Я убеждён, что люди, состоявшиеся в профессии киноактёра, никогда не будут нуждаться. Это то ремесло, которое обеспечит твоё безбедное существование. Ты согласна со мной, дорогая? – обратился он жене.

– В общем да, – отозвалась Элизабет. – Однако, Изабелл, ты должна понимать, что для того чтобы стать высокооплачиваемой актрисой, необходимо быть лучшей в своём деле. Ну или одной из лучших. Посему ты должна быть готова к

тому, что тебе придётся много учиться и работать. Возможно, стоит начать с игры в театре?

Изабелл чуть заметно закатила глаза, слушая поочерёдные монологи родителей:

– Разумеется, мама, я знаю, что необходимо много работать. Что касается театра, то не думаю, что в наше время это необходимо. Кино появилось уже достаточно давно, к тому же Рейчел говорит, что в Голливуде, при успешном прохождении проб, для претендентов действуют полугодовые курсы актёрского мастерства.

– О, ну это уже неплохо, – сказала мать. – Ты можешь присоединиться к своей подруге, дочь, мы не возражаем.

– И помни, ты всегда можешь на нас рассчитывать, – резюмировал отец. – Здесь твой дом, а альтернативу в случае неудачи, я непременно для тебя найду.

Изабелл улыбнулась и поблагодарила родителей за тёплые слова.

Отец посмотрел на Джорджа, молча попивавшего кофе:

– Ну а ты, сын, тебе скоро семнадцать. Какие мысли у тебя о твоей будущей профессии? Есть ли уже проекты?

Джордж промокнул салфеткой губы, аккуратно вытер подбородок и сказал:

– Да, сэр, я думал кое о чём.

Отец внимательно посмотрел на него.

– И? О чём же ты думал, сынок?

– Понимаете, мои товарищи считают, что неплохо было

бы записаться добровольцами в армию. Это можно делать с семнадцати лет. Вот и я...

Он осёкся под нахмуренным взором отца, мать в ужасе раскрыла рот.

– Ты что, милый? – проямлила Элизабет. – За что ты хочешь нас так наказать?

– Наказать? – непонимающе переспросил Джордж.

Лицо его сделалось испуганным, он переводил взгляд с матери на отца и обратно.

– Джордж... – начала было Элизабет, но Джон Вуд остановил её властным жестом, подняв ладонь.

Отец заговорил тем же вкрадчивым голосом, которым совсем недавно так легко угомонил расизм своей жёнушки:

– Послушай сынок. Я расскажу кое-что, о чём твои товарищи, собирающиеся в армию, не знают. Об этом вообще знает очень мало людей. И если хочешь, это то знание, которое приносит пользу людям на протяжении всей их жизни. Ты хочешь знать, как я сколотил состояние и обеспечил безбедное существование нашей семьи на много лет вперёд?

– Да, отец, – словно загипнотизированный, кивнул Джордж.

Мистер Вуд не отрывал цепких глаз от сына:

– Вот что я тебе скажу, сынок. Главное знание, которое позволило мне стать тем, кто я есть, заключается в следующем: никогда не лезь на рожон. Это очень просто сделать, если на первом месте в твоей жизни стоит семья и твои род-

ные. Ты понимаешь, о чём я?

– Нууу, наверно, – ответил Джордж.

– «Наверно» – не годится, я объясню тебе доходчиво. Двадцать лет назад, когда вас с сестрой ещё не было на свете, я работал водителем у бандитов. Капоне, Лучиано, Мейер Лански... Ты, конечно, слышал эти имена и в курсе, что они значат в нашей стране до сих пор. В ту пору я был молод и амбициозен, мне хотелось стать богатым и крутым, как те, знаменитые гангстеры. Я всячески пытался быть полезным своим боссам. Мы провозили контрабандную выпивку во время сухого закона. Как то раз парни, с которыми я работал, решили кинуть своего босса и перейти работать к другому, потому что тот предложил им больше денег и власти. Я знал об этом и передо мной стал выбор: пойти с ними и рискнуть тем, что имею, или пойти и доложить своему боссу – и рискнуть жизнью, если предательство моих коллег увенчается успехом.

Понимаешь, сын, решал не я, а обстоятельства. К тому времени, я уже встретил вашу маму и находил своё счастье, будучи рядом с ней. Я собирался жениться и создать семью, и мне было достаточно того, что я уже зарабатывал. А это, должен тебе сказать, было не мало, именно с тех заработков я и начал составлять тот капитал, на который мы теперь живём.

Меня всё устраивало, сын, понимаешь? Я отнюдь не желал оказаться зажатым между двух огней, но ситуация, как ты понимаешь, решила за меня. Как ты думаешь, что я сделал

в тот момент? Настучал боссу, или предал его?

Сын неопределённо пожал плечами.

– Не знаю, сэр.

– Я не сделал ничего, – сказал отец. – Я не пошёл ни стучать, ни предавать. Вечером я вернулся домой, рассказал всё вашей маме, поднялся на второй этаж и прыгнул в окно. Зачем я это сделал? Чтобы остаться при своём при любом раскладе. Остаться с вашей мамой. Я сломал ногу и провёл месяц в инвалидном кресле. За это время произошли большие разборки между группировками. Мой босс узнал о предательстве и убил парней, среди которых мог бы оказаться и я. Но после этого в Чикаго нагрянули итальянцы и расстреляли моего бывшего босса и всю его пристяжь, понимаешь? Ты понимаешь, о чём я?

– Кажется, теперь понимаю, отец, но я не понимаю как это связано с войной.

Мистер Джон Вуд сардонически усмехнулся:

– Сынок, война – это та же бандитская разборка, только в другом масштабе. А люди, которые там погибают – это всего лишь расходный материал. Так же, как и бандитские шестёрки, среди которых долгое время был и я. Ты и твои друзья совсем не понимаете того, что сейчас происходит в России. Совсем скоро фашисты будут разбиты, и под самый конец к войне присоединится и США. Знаешь, почему мы столько времени не объявляли войну Гитлеру?

– Нууу, на нас напали японцы.

Мистер Вуд грубо расхохотался.

– Сыноок, – растягивая слово начал он, – японцы атаковали одну военную базу в Перл Харборе. Знаешь ли ты, что происходило эти годы в Восточной Европе? Миллионы простых людей, таких как наша семья, таких как наши соседи и жители нашей страны, были убиты. Города разрушены, семьи обездолены.

– Джон, – вмешалась Элизабет, – не считаешь ли ты, что это уже лишнее, здесь же, в конце концов, ещё и мы с Изабелл.

– Нет, милая, я не считаю, что это лишнее. И вы с дочерью должны меня послушать так же, как и сын. Я хочу, чтобы моя семья была в безопасности от правительственных интриг. А ни что не обезопасит вас так, как владение информацией. Поэтому я прошу вас выслушать меня внимательно и понять то, что я скажу.

Он вопросительно посмотрел на жену и дочь.

– Ладно, Джон, если ты считаешь, что это важно, будь по-твоему, – согласилась Элизабет.

Мистер Вуд кивнул и продолжил:

– Я не знаю и никогда не знал об истинных причинах того, что делает правительство. Я не хочу в это вмешиваться и не хочу этого знать. Уверен я лишь в одном: вся информация, которую передают официально в народные массы – ложь. Так было, так есть и так будет.

Сейчас, главным злом в мире считается фашизм. Совсем

скоро его сменит коммунизм, и в нашей стране будет продолжаться борьба с идеями Маркса и Ленина. Но откуда взялся Гитлер? Ведь вся эта война никогда бы не началась, не будь у Германии денег. А их не было и им неоткуда было взяться. После первой мировой войны мы просто задавили её. Немцы стали несчастными и озлобленными, в их государстве воцарилась безработица и голод. Там всё было во сто крат хуже, чем при нашей Великой депрессии. Достаточно было зажечь спичку, чтобы народный гнев разгорелся. И такой спичкой стал Адольф Гитлер. А деньги на ресурсы дали ему третьи силы... зачем? Чтобы разобраться с угрозой всему миру, которую представляют собой идеи красных.

Ведь рабочий класс есть везде. И если пролетарии всего мира будут продолжать восхищаться Советами и пытаться брать с них пример – правящему классу капиталистов вскоре придётся несладко.

Мистер Джон Вуд перевёл дух, глотнул сока и продолжил:

– Всё это большая политика и молодые люди, такие как ты, Джордж, сейчас оказываются в том же положении, что и я, когда мне пришлось выбирать между предательством и стукачеством.

– Боюсь, что я всё равно не понимаю, сэр, – сказал Джордж.

– Как и мы, – добавила Элизабет.

– Терпение, скоро всё поймёте.

Он на несколько секунд задумался, обдумывая следующую часть лекции о большой политике, и сказал:

– Видите ли... на нас никто не нападал. То есть я не имею в виду Перл Харбор, это уж, честно говоря, и не нападение вовсе, больше похоже на провокацию, давшую нам же, основания для ведения боёв на спорных и японских островах. Я имею в виду нашу государственную целостность. Вы видите на улицах вражеские танки? В небе летают самолёты? Нас бомбят? В наши дома вламываются с ружьями? Нет! Нет!

Поэтому, Джордж, именно поэтому, ты не должен вступить в ряды добровольцев, а если вдруг случится так, что в армию станут забирать насильно – я позабочусь о том, чтобы тебя миновала чаша сия.

У русских нет выбора! Хотят они того, или нет, а воевать им приходится именно потому, что их города бомбят, родных убивают, а земли завоёвывают. Вас же, молодых американцев, наше правительство хочет задействовать исключительно в коммерческих целях!

Элизабет поперхнулась:

– Ну это уж прям теория заговора какая-то, – сказала она.

– Угу, – мрачно ответил Джон. – Теория. Заговора. Ты лучше бы до конца дослушала.

– Правда, мама, пусть он расскажет всё до конца, – поддержала Изабелл.

– Три года, – продолжил мистер Вуд, – три года фашисты

уничтожали и грабили советскую землю. Три года уничтожали евреев по всей восточной Европе. И все эти три года наша страна не шла на помощь русским. Почему? Почему мы идём к ним на помощь сейчас, когда всё уже всем понятно? Ещё чуть-чуть и восточный фронт будет на территории Германии, а русские покончат с Гитлером. Так, скажите мне, зачем наше участие?

Никто не ответил.

– Наше участие теперь необходимо для нашей экономики. Если сейчас не вмешаться – сепарации по итогам первой мировой войны могут быть пересмотрены, ведь победителем теперь будет Россия, а не мы! А вот если присоединиться и захватить Берлин вместе – то можно не только сохранить свои привилегии, но и преумножить их в качестве одной из стран-победительниц. Таким образом, вторая мировая война станет для США решением сразу нескольких проблем. Во-первых, красная угроза будет сильно ослаблена, а во-вторых, мы будем полноправными участниками и победителями, спасшими мир от фашизма.

В этой связи, я повторяю вам, что наш интерес в войне был и остаётся сугубо коммерческим. Не сравнивай себя с русским солдатом, Джордж! Русский солдат умирал за то, чтобы защитить свою землю и семью, а наши солдаты поедут умирать за государственный капитал! Вот в чём правда, вот в чём суровая истина!

И я повторяю тебе, сын – никогда не лезь на рожон. Учись

переждать, промолчать, наблюдать. Наблюдай за тем, что делают другие, думай, анализируй, стань незаметным. Это касается и вас, дамы. Ты, Элизабет, ненавидишь чёрных, ты по-прежнему считаешь их рабами, недостойными жить рядом с белыми. Но думаешь ли ты о том, что возможна полная уравниловка? Вот так, завтра взяли и отменили любую сегрегацию, и ниггер стал твоим начальником? Что ты будешь тогда делать? Ведь ты никогда не скрывала свои расистские взгляды и это всем известно. Что ты получишь в итоге, от этой своей демонстративной ненависти?

Жена саркастически фыркнула:

– Тебя уж куда-то понесло совсем в фантазмагории, По-моему, ты сильно увлёкся.

– Нисколько! Просто я всегда думаю на два шага вперёд! Поэтому все вы сыты и живёте в достатке. Я думаю обо всех нас и держу своё мнение при себе до тех пор, пока не уверюсь в безопасности. Ты можешь сколько угодно ненавидеть негров, евреев, коммунистов, но об этом не должен знать никто! Ты не должна этого показывать никому, потому что в наше время опасным может стать всё! Что если завтра в Америке произойдёт революция, а? Что станет с нашим президентом, мэром, семьями Рокфеллеров и Морганов? Их уничтожат, разорят, унижат! А что станет со мной и такими как я? Ничего! Я останусь при своём и буду продолжать вести комфортную и спокойную жизнь. А почему? Потому что я

всегда остаюсь на нейтральной стороне. Я одинаково приветлив с сапожником и директором банка. Я умею находить общий язык с любым, даже самым неприятным для себя человеком. И поэтому меня, меня! – никто не ненавидит, никто меня не знает и не замечает. Я – умею жить. И хочу, чтобы в это трудное время, умели жить и вы!

Разговор был окончен. В то воскресное утро вся семья Вудов поняла своего отца. И теперь его авторитет среди домоладцев вырос до уровня семейного божества.

Джордж навсегда отказался от мыслей, связанных с армией и пошёл учиться в колледж.

Изабелл поступила на актёрские курсы в Голливуде.

А Элизабет... Элизабет купила на день Благодарения три индюшки и подарила их своим слугам неграм.

Ленинград. 1945 год

Ранней весной сорок пятого капитан Кириллов патрулировал с небольшим отрядом улицы, истерзанного блокадой, Ленинграда. По всем признакам война должна была скоро закончиться, и некоторые счастливики обязательно найдут свои семьи в добром здравии.

Кириллов счастливицом не был. Его молодая жена погибла в Сталинграде с младенцем на руках, отца расстреляли немцы ещё в сорок первом, а мать сгинула в концентрационных лагерях.

Возвращаться капитану было не к кому, да и некуда. Впрочем, как и миллионам другим советским людям. Словно назло судьбе, ему отдали приказ по охране мирной территории в Ленинграде. С каким бы удовольствием Кириллов продолжил бы войну с немцами на их земле!

Ежедневно они находили обтянутые кожей скелеты. Люди в Ленинграде умирали от голода, ютятся по подвалам и чердакам. Со стен оскабливали до самого бетона штукатурку и варили из неё суп. Ели кожаную одежду, тряпки...

Только картина всенародного горя помогала как-то облегчить чувство личной потери. Всем вокруг было одинаково невыносимо горько!

– Товарищ капитан, – обратился к нему подчинённый, –

мы тут обнаружили книжку среди трупов. Похоже это рукописный дневник.

– Давай сюда, – ответил Кириллов.

Солдат отдал ему толстую тетрадь, обёрнутую в газету.

Капитан раскрыл корешок.

«АННА КУСТАРНИКОВА»

Кириллов пролистал. Вся тетрадь была исписана от начала до конца. Солдат выжидающе смотрел на своего командира.

– Где взял? – спросил он.

– На чердаке среди тел, товарищ капитан. Судя по всему, одним из трупов была хозяйка дневника.

– Хорошо, мёртвых похороним. А дневник я прочту. Если есть вероятность, что у этой Анны Кустарниковой остались живые родственники, то постараемся найти и передадим тетрадь им.

– Так точно, – отозвался солдат, будто командир спрашивал его мнения.

– Ладно, продолжаем работать, – сказал капитан Кириллов. – Сегодня мы должны осмотреть все оставшиеся дома на этой улице...

– Так точно, – согласился солдат.

Кириллов не мог спать всю следующую ночь. Положенные

на отдых шесть часов, он провёл сначала за чтением дневника, а потом думая о том, что прочитал...

«...Меня зовут Анна Кустарникова, хотя если это кто-то читает – значит, уже знаете.

Мне девятнадцать лет и до войны я училась на рабфаке в Ленинграде. Я мечтала выйти замуж и уехать работать на черноморское побережье. Мой жених до войны, поехал учиться в Севастополь, и я планировала, что по окончании учёбы сразу же поеду к нему. Жив ли он сейчас? Я не знаю, да и какое это уже имеет значение...

Скорее всего я не доживу до конца блокады, сегодня в нашем убежище закончилась последняя еда и я не питаю никаких иллюзий. Я слышала, что человек способен прожить без еды неделю, но даже если и так, Ленинград конечно, за это время никто не освободит, раз не освобождают вот уже больше двух лет. Я не хочу тешить себя надеждой и не верю в чудеса. Я смирилась со своей участью и чтобы не сойти с ума перед смертью – я хочу рассказать на этих страницах всё, что видела и пережила за эти страшные месяцы.

Когда началась блокада, я жила с мамой и бабушкой. В нашей коммуналке из трёх комнат, помещались ещё две семьи, по одной на каждое помещение. В одной из них жили две женщины бывшие сёстрами. В другой – старый дед с маленьким внуком.

Дед умер самым первым, когда голод ещё не стал таким

сильным. Соседки-сёстры тут же взяли его внука себе на попечение и стали теперь жить на две комнаты. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, я даже сожалею, что он не умер сегодня. Буду откровенной во всём и скажу: сегодня бы мы его съели...

Тогда же, в каждой квартире ещё оставались какие-то запасы еды. К тому же, каждый житель получал по карточкам ежедневную порцию хлеба. Мы похоронили деда всей квартирой самостоятельно. Моя мама помогала рыть могилу на пустыре, а дворничиха тётя Надя одолжила нам большую тележку для мусора, на которой мы и отвезли тело старика, как на катафалке.

Мальчику было всего пять лет, поэтому его мы к участию в похоронах не привлекали. Кто бы мог подумать, что он и сам не доживёт до следующего года...

Первые месяцы мы держались, постепенно худели, но от голода пока никто не умирал и не сходил с ума. Но потом хлеба по карточкам стали выдавать всё меньше. С булки довольствие было снижено до половины, потом до четвертинки булки на сутки, ну а потом привычное окно раздатки и вовсе закрыли. Все мы тогда поняли – это начало конца.

Я стала выходить на поиски еды вместе с другими девушками. Мы научились ловить крыс и бродячих животных. Научились разделывать тушки, и готовить из одной крысы целую бадью супа. Потом крысы закончились, и начался грабёж. Бандиты регулярно совершали налёты на все под-

ряд места, не понимая верно, что в обычных коммуналках еды быть не может.

Однажды банда вломилась и к нам. Это были парни лет четырнадцати с безумными лицами. Они обшарили все шкафы, лазали под диваны, обнюхивали каждый квадратный метр. Мы кричали на них всем нашим бабьим ополчением, но им было всё равно. Впрочем, никто из них не тронул нас самих и пальцем. Еда – это всё, что им было нужно.

Потом умерла бабушка. Соседские тётки, тут же принялись уговаривать мою мать съесть её труп. «Какая ей уже разница, ну пожалуйста!» – умоляли они. Мать была непреклонна, и мы вдвоём с ней похоронили бабушку тайком от соседок.

Их усыновлённый мальчик совсем исхудал и перестал говорить. Он всё время тихо плакал и спал, а потом куда-то пропал. На вопрос моей матери, соседки ответили, что мальчик умер и что они его похоронили. Но как? Когда? Где? – на это они ничего ей не ответили, а одна из них даже сказала зло: «Вы же похоронили свою мамашу без нас, так почему это мы обязаны докладывать вам о своей потере?».

Я думаю, что мальчик умер не своей смертью и что никуда они его не хоронили. Я думаю, тётки попросту мальчика съели. Днём никто из нас не сидел дома, мы вечно слонялись по городу в поисках еды, или попросту, чтобы отвлечься от дурных мыслей. Поэтому тётки могли бы запросто увести мальчика куда-нибудь и там разделаться с ним. К тому же,

среди горожан уже давненько ходили слухи о специальных «поварах». Эти «повара» специализировались на торговле и приготовлении еды из человечины. Говорили, что к ним приносили обычно трупы, и за определённую долю они раздвигали тело и делили мясо и кости. Кто знает? Может быть, к ним привозили не только мёртвые тела, но и приводили живых на убой?

Так же как и другие, я каждый день ходила по городу в поисках хоть какой-нибудь пищи. Мама чаще всего ходила со мной. Она всё время твердила, что нам необходимо держаться вместе. Что только так мы сможем пережить весь этот ужас.

У меня, как и у других, на теле выступили кости, живот впал и, казалось, что под кожей у меня идёт сразу кровь, кости и органы. Последний жир, который у меня ещё оставался, должно быть располагался лишь на бёдрах и ягодичках. Хотя и в этом я уже не уверена. Не сильна в анатомии, но по-моему то, что там мягкое – это мясо.

Боже... и о чём я только пишу. Вы должны понять меня, в нашем состоянии просто невозможно думать о чём-либо, кроме еды. И даже рассуждая о собственном, скелетообразном теле, я не могу не сместить фокус внимания на составляющие его, съедобные части.

Как-то раз мы сидели с мамой поздно ночью и говорили о войне. Неожиданно мама завела разговор о каннибализме. «Знаешь, доченька, – сказала она, – я где-то слышала, что

мясо себе подобного является самым вкусным, полезным и легкоусвояемым в природе. Мне страшно думать до чего мы дошли, но сейчас, в нашей ситуации, понимаешь, столько людей уже умерло просто так. И... я подумала, а что если бы мы отбросили предрассудки и с самого-самого начала стали бы есть тех, кто умирал? Быть может тогда, в данный момент, в живых осталось бы чуть больше людей?».

Я тогда опешила от этих слов. Моя мама, вечный образец гуманности и справедливости. Она никогда... господи, она просто не могла такого думать...

«Что ты такое говоришь, мама?» – спросила я её.

«Нет, ты подумай, дочка. Ты ведь сейчас не рассуждаешь здраво, за тебя говорят одни лишь эмоции, а ты подумай практически, прагматично».

В тот вечер я решила, что мама сошла с ума. Это было не удивительно, ведь в нашем положении голод превратился уже в ощутимую, физическую боль.

Мы по несколько часов варили на примусе кожаные ремни и сапоги. Говорят, что в кожаных изделиях всё равно остаются какие-то полезные для организма элементы. Но как бы долго мы не варили, кожа от одежды оставалась жёсткой и противной. Маленькими кусками мы отрезали частички и с усилием проглатывали. Разжевать это не получалось, как бы мы ни пытались и в конце концов куски приходилось просто глотать.

Мне не хотелось писать об этом, но сейчас мне уже ничего не стыдно – огромную муку вызывало после, хождение в туалет. Куски несъедобного продукта выходили тяжело, с болью и кровью. Гадить и без того уже давно стало нечем, один раз в неделю по большому – стало нормой. А тут ещё и неперевариваемая «пища». Кожа, штукатурка... Было ужасно, в животе постоянно чувствовалась пульсирующая, режущая боль. Любой поход в туалет всегда сопровождался невыносимой мукой.

Шёл второй год блокады. Одна из сестёр соседок умерла, вторая утащила её труп и особо уже не скрываясь, ходила потом несколько дней с довольным, сытым лицом. Но мы с мамой продолжали крепиться, мы так и не ели человечины. Во всяком случае... я не ела, потому что, видит бог, в последнее время я перестала быть уверена в маме. Она теперь часто уходила куда-то одна, а после говорила мне, что разделившись, мы удваиваем шансы в поисках пищи.

Потом она вернулась к разговорам о каннибализме. На этот раз она заявила мне следующее: «Анечка, я знаю, что ты чистая и непорочная девочка, я понимаю насколько для тебя это ужасно, но поверь, я не сошла с ума. Я хочу, чтобы ты пережила это. Поверь, скоро война закончится, обязательно закончится. Ты выйдешь замуж, родишь детей и доживёшь до глубокой старости... Я хочу, чтобы ты пообещала мне выжить, Аня! Доченька, я скоро умру, я это чувствую! Пожалуйста, умоляю тебя, когда это случится

– возьми моё тело и съешь! Ни сразу, растяни на дольше, пожалуйста, дочка».

Я решительно отказалась продолжать этот разговор. И грубо ответила тогда маме, что не стану делать этого, даже если умру сама. Я сказала ей, что она должна оставаться жить и попросила прекратить подобные рассуждения впредь.

Я была вне себя от возмущения и страха. Она действительно сошла с ума, если решила вести со мной такую беседу!...»

Над городом забрезжил рассвет. Капитан Кириллов, так и не спал. Он, то читал, то думал и никак не мог успокоиться. Всеобщее горе, обуявшее советских людей в эту ужасную войну, делало незначительными отдельно взятые, людские потери. Да, он потерял семью, да, он остался одиноким сиротой. В мирное время, подобное сочли бы горем, Кириллов заслуживал бы сочувствия и жалости, а теперь... Как мог он рассчитывать на жалость, если его горе было не больше чем у других? Если все вокруг давно привыкли к смерти, окружавшей их со всех сторон. Что с того, что погибли все твои родные? У твоего подчинённого они погибли тоже все! Как и у твоего командира.

Пройдёт очень много лет, прежде чем люди оставят всю свою боль в прошлом. Будут с ужасом вспоминать это страшное время, в котором пришлось жить их предкам. Молодые

люди, лишённые конечностей, перестанут быть привычным явлением, а средняя продолжительность жизни превысит, наконец, возраст в двадцать лет.

Но как теперь жить ему, Кириллову? Как жить остальным обездоленным и осиротевшим людям? Об этом он не думал. Он сожалел и плакал о прошлом, однако вопросов о будущем у него, как и у других не было. Его задачей было наведение порядка в Ленинграде. Когда закончится война, он вернётся домой и начнёт строить всё заново. Покончив с боями, солдаты займутся строительством. Будут возводить новые здания, новые улицы, новые города. Работы будет много и она будет для всех. Времени предаваться своему горю не останется. Не останется на это и сил.

Много лет спустя, их потомки будут сидеть и рассуждать о войне, которой не знали. Ужасаться и радоваться, что у них самих всё, слава богу, не так. Они будут расстраиваться из-за проблем на работе, будут ругаться друг с другом, злиться, завидовать и ненавидеть. Будут мучительно думать над тем, что сегодня съесть на ужин: котлеты из говядины, или жареную курицу. Они будут бороться за права угнетённых социальных групп и ходить на митинги. Потомки станут придумывать себе причины для переживаний и недовольства. Чтобы можно было потом обоснованно лечиться алкоголем и антидепрессантами от этих своих воображаемых трудностей. Они вспомнят о блокадном Ленинграде мимолётом, сокру-

шённо покачают головой и вернуться в свою суетливую, бессмысленную жизнь.

Но всё это будет не скоро, и Кириллов об этом никогда не узнает. Он не узнает и о том, что его правнуки будут влюбляться в американских актёров, играющих в кино, которое расскажет зрителю о том, как отважные джоны и роджеры победили Гитлера. Как их вождя, товарища Сталина, назовут тираном и чудовищем, поставив между ним и личностью нацистского фюрера знак «равно». Как его великая страна будет развалена и как её жители станут, разинув рты, с упоением внимать кукольным ораторам, что перепишут историю и растопчут ногами его, капитана Кириллова, прах...

Он умылся, выпил горячего чая и вызвал дежурного.

Его отряд вернулся на улицы прочёсывать следующий квадрат домов.

Обтянутый кожей скелет Анны Кустарниковой, похоронили в общей могиле вместе с трупами, которые оказались на чердаке рядом с ней.

Кириллов не стал дочитывать до конца её тетрадь. Он не хотел знать о том, как умерла мать Анны и как, в конечном итоге, дочь поступила с её телом. Он не вправе был давать какие-то оценки поведению несчастной девушки.

Взглянув, следующим вечером в последний раз на заклеенную газетами тетрадь, Кириллов бросил ей в пылающую печь, и протолкнул страницы глубже в пламя.

Мятая бумага мгновенно запылала. Раскрытые страницы стремительно чернели и скукоживались. Объятые со всех сторон, расплзающейся чернотой, строки превращались в пепел.

«...я чувствую, что конец близок. Я знаю, что смерть это избавление, я осталась совсем одна. Люди, с которыми я имела честь общаться последние дни, зачем то жили на чердаке. Голубей здесь давно уже нет, но они всё ждали, они надеялись, что на крышу залетит какая-то заплутавшая птица. Я не хочу больше возвращаться в пустую квартиру, поэтому буду оставаться здесь, с ними. Надеюсь, что мои мучения скоро кончатся. Простите меня все, перед кем я виновата. Простите меня, я всегда старалась поступать правильно. И я желаю вам жить. Живите и будьте счастливы. Но помните, помните обо мне. Помните о нас...»

Монте-Карло. 1946 год

Барон наслаждался тёплым майским ветерком. В его имении всегда царила атмосфера блаженства и умиротворённости. В искусственном пруду вальяжно плавали лебеди, где-то на деревьях нежно щебетали птицы.

Барон растянулся в шезлонге и позвонил в колокольчик.

Словно материализовавшись из воздуха, в тот же миг перед ним очутился халдей.

– Пришли мне девочек, Олег, – распорядился барон. – И пусть принесут ещё лимонада.

Халдей учтиво поклонился и исчез.

Через пару минут на столик возле барона водрузили хрустальный кувшин, а его ступни старательно растирали юные азиатские девы.

Барон отпил лимонад из высокого стакана и позвонил в колокольчик снова.

– Олег, во сколько должен прийти посетитель? – спросил он, появившегося тут же слугу.

– Через четверть часа должен явиться, сэр, – ответил Олег.

– Хорошо, поди к воротам и сам встретить. Потом тут же веди ко мне.

– Слушаюсь, господин барон.

Халдей удалился.

Барон блаженно вытянулся на шезлонге и прикрыл глаза. Азиатки продолжали старательно растирать его дряблые ноги.

Как и всегда, он явился перед своим хозяином минуту в минуту.

– Добрый день, – произнёс он тихим, вкрадчивым голосом.

Барон открыл глаза.

– А-а, ты пришёл! Олег, спасибо, можешь быть свободным.

Он добавил что-то на непонятном наречии и азиатки, поклонившись, удалились вслед за Олегом.

– Здравствуй, друг мой Франсуа, присаживайся, – указал он на соседний шезлонг, когда они остались вдвоём.

Как и пятнадцать лет назад, таинственный «господин распорядитель», безмолвно подчинился. Барон выжидающе посмотрел на него.

– Как прошло? – спросил он.

– Всё как мы планировали, господин барон. Наши партнёры согласились с моим мнением вновь, высказали лишь несколько дополнительных условий со своей стороны. Это никак не затрагивает ваши личные интересы.

Барон кивнул.

– Хорошо, друг мой. Война закончилась, стержень коммунизма достаточно расшатан, но в мире есть ещё слишком много пролетариев, продолжающих симпатизировать Советам и Сталину, поэтому первоочередной задачей для нас сейчас является операция «травля»...

– Разумеется, господин барон, – сказал Франсуа. – Мы с моими коллегами обговорили несколько возможных вариантов. В данный момент, подступиться к Сталину будет непросто, но думаю в скором будущем, мы сможем поспособствовать нашим людям в России. Вождь стареет, его окружают трусливые крысы, которые предадут его при первой возможности. У него есть лишь один надёжный соратник – Берия, но с ним покончат сразу, как только будет отравлен Сталин...

Барон улыбнулся.

– Хорошо, Франсуа. Когда это случится, мы сможем планировать более определённо. Необходимо навести порядок в мире в ближайшие тридцать-сорок лет. Вероятно, к тому времени меня уже не станет, как впрочем и тебя, но наша семья продолжит начатое. Я хочу спокойно уйти, когда буду уверен, что коммунистической заразы больше нет.

Он помолчал и продолжил.

– Важно уделить большое внимание средствам массовой информации. В первую очередь радиовещание конечно, однако более весомым, на мой взгляд, остаётся кинематограф. Мы должны показывать людям фильмы, которые будут по-

могать нам создавать благоприятные условия для сохранения стабильности. Пропаганда, Франсуа, пропаганда. Собственно, что я тебе буду говорить, похоже, я забыл кто передо мной.

Франсуа учтиво поклонился.

– Я всегда с удовольствием послушаю вашего совета, сэр. Вы же знаете – это честь для меня!

Барон откинулся на спинку шезлонга и задумчиво уставился на лебедей.

– А всё-таки интересная штука жизнь... Мне скоро семьдесят, я один из самых богатых людей этого мира. Я в буквальном смысле участвую в управлении судьбами большинства людей планеты и я всё равно умру... Как бы я ни ухаживал за своим здоровьем, как бы ни старался отдалить этот момент, но рано или поздно это случится. И что тогда, Франсуа?

Его собеседник почтительно молчал.

– Конечно, – продолжал барон, – я позаботился о будущем моей семьи. Я знаю, что мой сын будет продолжать действовать по плану. Потом, возможно, будут внесены корректировки по ходу процесса, но смысл будет всегда оставаться одним и тем же. Мы будем делать всё для того, чтобы управление миром оставалось в наших руках. Наши партнёры заинтересованы ровно в том же. Власть – вот что главное.

Десятки миллионов жизней унесла мировая война. Все эти люди умерли лишь для того, чтобы мы продолжали на-

ходиться на вершине пищевой цепочки. Их потомки никогда не узнают об истинных целях всех этих войн. Они будут продолжать винить своих новых гитлеров, не понимая, что подобные вожди это всего лишь марионетки. Марионетки, которые зачастую, даже сами не догадываются о том, что выполняют функцию, заложенную в них истинными игроками этой крупной и сложной игры...

Барон умолк и, казалось, забыл о присутствии своего собеседника.

Франсуа молча смотрел на лебедей. Он знал правила Игры, о которой упомянул хозяин. Знал всё и об её сути, и о своей роли в ней. Так же как и Гитлер, он был всего лишь фигурой. Незаметной и невидимой на общем фоне, но гораздо более значительной, чем любой всемирно известный диктатор.

Но сейчас Франсуа был никем, потому что рядом с ним сидел один из тех, кто эту Игру создал.

– Знаешь, я вот всё думаю, – нарушил тишину барон, – мы ведь так и не знаем, что же там... за чертой. Да, наиболее вероятным все мы считаем цикл перерождения, потому как в основе всего живого и неживого в мире лежит круговорот. Но... всё же, мы не можем быть до конца в этом уверены. Да и потом, даже если это и так... Если после этой жизни наступит следующая, кем мы в ней будем? Вдруг я буду рождён в семье бедняков? Вдруг в следующей своей жизни я стану простым солдатом, который будет одним из миллиардов дру-

гих, ничего не значащих ничтожеств? Вдруг я буду рождён инвалидом? Вдруг я буду негром в семье людоедов?

В голосе барона послышалось волнение.

– Я не могу. Не могу спокойно думать лишь об одной вещи. Об этом! Я не могу принять факт, что моя смерть мне не подвластна, что я перестану контролировать всё! Я не могу это принять и в этом моя единственная слабость! Что там? Что там будет, Франсуа? Что ты думаешь об этом? Что?

Франсуа задумчиво покачал головой.

– Я не знаю, господин барон. Не знаю.